

10 ЛУЧШИХ ВИКТОРИАНСКИХ ДЕТЕКТИВОВ

УИЛКИ КОЛЛИНЗ ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Пролог
Штурм Серингапатама
1799 г.

Извлечение из фамильных бумаг

I

Строки эти, написанные мною в Индии, обращены к моим родным в Англии, которым я желаю объяснить причины, побудившие меня отказать в дружеском пожатии рука двоюродному брату моему, Джону Гернкаслю. Молчание, которое я до сих пор хранил об этом обстоятельстве, вызвало превратные толкования со стороны членов моего семейства, добрым мнением которых я дорожу. И потому прошу их воздержаться от окончательного приговора до выслушания моего рассказа и верить моему честному слову, что все, о чем собираюсь я говорить здесь, есть точная, и

строгая истина.

Тайный раздор между мною и моим двоюродным братом возник еще во время великой международной борьбы, в которой участвовали мы оба, во время штурма Серингапатама, предпринятого 4-го мая 1799 года, под предводительством генерала Берда.

Для удобнейшего разъяснения последующих обстоятельств, мне необходимо возвратиться к тому периоду времени, который предшествовал осаде, и к ходившим в нашем лагере рассказам о горах золота и драгоценных камней, хранившихся в Серингапатамском дворце.

II

Самый фантастический из этих рассказов относился к желтому алмазу, знаменитому в отечественных летописях Индии. По сохранившимся о нем преданиям, он украшал некогда чело четверорукого индейского божества, олицетворявшего собою месяц. Частью вследствие своего особенного цвета, частью же вследствие господствовавшего предрассудка, будто этот камень ощущает на себе влияние украшаемого им божества, светлея во время полнолуния и тускнея во время ущерба, ему дано было название, которым и до сих пор еще именуется он в Индии, название

Лунного камня. Подобный же предрассудок, говорят, существовал некогда в Греции и Риме; с тою только разницей, что он относился не к алмазу, украшавшему какое-либо божество (как это было в Индии), но к полупрозрачному камню низшего разряда, подверженному также влияниям луны и также получившему от вся свое название, под которым он и до сих пор известен новейшим минералогам.

Приключения желтого алмаза начинаются с одиннадцатого столетия христианской эры.

В это время один из магометанских завоевателей, Махмуд Гизни, вторгся в Индию, овладел священным городом Сомнаутом и разграбил сокровища находившегося в нем знаменитого храма, который в продолжение нескольких столетий привлекал целые толпы индейских богомольцев и считался чудом всего Востока.

Из всех божеств, которым поклонялась в этом храме, один бог Луны не подвергся хищничеству магометанских победителей. Охраняемый тремя браминами, неприкосновенный кумир, с украшавшим его желтым алмазом, был перенесен ночью во второй священный город Индусов — Бенарес.

Здесь, в новом святилище, в зале инкрустованной драгоценными камнями, под

кровлей, опирающиеся на золотые колонны, бог Луны стал опять предметом ревностных поклонений своих приверженцев. В ночь, когда святилище было совершенно окончено, Вишну-зихдатель явился во сне трем браминам.

Он дунул своим божественным дыханием на алмаз, украшавший чело бога Луны, а брамины пали ниц, закрыв свои лица одеждой. Божество повелело, чтобы впредь до окончания веков Лунный камень был поочередно охраняем днем и ночью тремя жрецами, и брамины преклонились пред его велением. Божество грозило также всевозможными бедствиями не только тому дерзновенному, который осмелится похитить священную драгоценность, но и всем его потомкам, которым алмаз достанется по наследству. По распоряжению браминов, эти пророческие слова были написаны золотыми буквами на воротах святилища.

Века и поколения сменяли друг друга, а преемники трех браминов не переставали денно и нощно охранять свою драгоценность. Века проходили за веками, и наконец, в начале восемнадцатого столетия христианской эры, на Монгольском престоле воцарился Аурунгзеб. По его повелению, храмы поклонников Браммы снова преданы были грабежу и разорению. Святилище четверорукого бога осквернено было

умерщвлением в нем священных животных; изваяния идолов были разбиты в прах, а Лунный камень был похищен одним из военачальников Аурунгзеба.

Не будучи в состоянии возвратить свое потерянное сокровище вооруженною силой, три жреца продолжали тайно следить за ним переодетые. Новые поколения являлись на смену старым; воин свершивший святотатство погиб ужасною смертью; Лунный камень (вместе с изреченным проклятием) переходил от одного незаконного магометанина к другому; но, не смотря на все случайности и перемены, преемники трех жрецов-блюстителей неусыпно охраняли свое сокровище в ожидании того дня, когда, по воле Вишну-зихдителя, оно должно было снова перейти в их руки. Так протекло восемнадцатое столетие, и в последние годы его алмаз достался серингапатамскому султану Типпо, который велел оправить его в рукоятку своего кинжала и беречь в числе избраннейших драгоценностей своей оружейной палаты. Но и там, в самом дворце султана. Три жреца-блюстителя не переставали тайно охранять алмаз. В числе служащих при дворе Типпо находились три иностранца, которые приобрели особенное доверие своего властелина искренним, а может быть и притворным, сочувствием догматам магометанской веры. На

них-то молва и указывала, как на переодетых жрецов.

III

Такова была фантастическая легенда, ходившая в нашем лагере. Ни на кого из нас не произвела она такого впечатления как на моего двоюродного брата, который охотно верил всему сверхъестественному. Накануне штурма Серингапатама, он повздорил со мной и со всеми, кто только надел в этом рассказе один пустой вымысел. Поднялся глупейший спор, и несчастный характер Гернкасля выказался во всей силе. Со свойственною ему хвастливостью, он объявил, что если английской армии удастся взять город, то мы увидим этот бриллиант на его пальце. Громкий взрыв смеха приветствовал эту выходку, но этим, как мы полагали, она и должна была окончиться.

Теперь не угодно ли вам перенестись со мною ко дню осады.

С самого начала штурма мы были разлучены с моим двоюродным братом. Я не видал его ни во время переправы через брод, ни при водружении английского знамени в первом проломе, ни при переходе чрез лежавший за бастионом ров, ни при вступлении в самый город, где каждый шаг доставался нам с бою. Я встретился с Гернкаслем

только в сумерках, после того как сам генерал Берд отыскал под кучей убитых труп Типпо.

Нас обоих прикомандировали к отряду, посланному по приказанию генерала для прекращения грабежа и беспорядков, последовавших за нашей победой. Фурштадтские солдаты предавались жалкой невоздержности; а что еще хуже, она отыскиали ход в дворцовые кладовые и стали грабить золото и драгоценные камни. Мы сошлись с братом на дворе, окружавшем кладовые, с целью водворить между нашими солдатами законную дисциплину; но я не мог не заметить при этом, что пылкий нрав его, доведенный до высочайшего раздражения выдержанною нами резней, делал его неспособным к выполнению этой обязанности.

В кладовых было волнение и беспорядок, но ни малейшего насилия. Люди (если могут так выразиться) позорили себя в самом веселом настроении духа. Со всех сторон раздавалась грубые шутки и поговорки, а история об алмазе неожиданно возникла в форме злейшей насмешки. «У кого Лунный камень? Кто нашел Лунный камень?» кричали грабители, и разгром усиливался еще с большим ожесточением. Напрасно пытаюсь водворить порядок, я вдруг услышал страшный крик на другом конце двора и бросился туда, чтобы предупредить какой-нибудь новый взрыв.

На пороге, у самого входа в какую-то дверь, лежали два убитых Индейца (которых по одежде можно было принять за дворцовых чиновников).

Раздавшийся вслед затем крик изнутри комнаты, очевидно служившей местом для хранения оружия, заставал меня поспешать туда. В эту минуту третий Индеец, смертельно раненый, падал к ногам человека, стоявшего ко мне спиной. Но в то время как я входил, он повернулся, и я увидел пред собой Джона Гернкасля с факелом в одной руке и окровавленным кинжалом в другой. Камень, вправленный в рукоятку кинжала, ярко сверкнул мне в глаза, озаренный пламенем. Умиравший Индеец опустился на колена, и указывая на кинжал, находившийся в руке Гернкасля, проговорил на своем родном языке следующие слова: «Лунный камень будет отомщен на тебе и на твоих потомках!» Сказав это, он мертвый упал на землю.

Прежде нежели я успел приступить к разъяснению этого обстоятельства, в комнату вбежала толпа людей, последовавших за мною через двор. Двоюродный брат мой, как сумасшедший, бросился на них с факелом и кинжалом в руках. «Очистите комнату», крикнул он мне, «и поставьте караул к дверям!» Солдаты попятились. Я поставил у входа караул из двух человек моего отряда, на которых я мог

положиться, и во всю остальную ночь уже не встречался более с моим двоюродным братом.

На другой день, рано поутру, так как грабеж все еще не прекращался, генерал Берд публично объявил при барабанном бое, что всякий вор, пойманный на месте преступления, будет повешен, несмотря на свое звание. Генерал-гевальдигеру поручено было при случае подтвердить фактами приказ Берда. Тут, в толпе, собравшейся для выслушания приказа, мы снова встретились с Гернкаслем.

Он, по обыкновению, протянул мне руку и сказал: «Здравствуйте».

Я же со своей стороны медлил подавать ему руку.

— Скажите мне сперва, спросил я, — что было причиной смерти Индейца в оружейной палате, и что означали его последние слова, которые он произнес, указывая на кинжал в вашей руке.

— Я полагаю, что причиной его смерти была рана, отвечал Гернкасль. — Смысл же его последних слов так же мало понятен мне, как и вам.

Я пристально посмотрел на него. Бешенство, в котором находился он накануне, совершенно утихло. Я решился еще раз попытать его.

— Вы ничего более не имеете сказать мне? спросил я.

— Ничего, отвечал он.

Я отвернулся от него, и с тех пор мы более не говорили.

IV

Прошу заметить, что все рассказанное мною здесь о моем двоюродном брате назначается единственно для моего семейства, за исключением какого-либо непредвиденного случая, могущего сделать необходимым опубликование этих фактов. В разговоре со мной Гернкасль не высказал ничего такого, о чем стоило бы доносить нашему полковому командиру. Те, которые помнили его вспышку за алмаз накануне штурма, нередко подсмеивались над ним впоследствии; но не трудно догадаться, что обстоятельства, при которых я застал его в оружейной палате, вынуждали его хранить молчание. Ходят слухи, будто он намерен перейти в другой полк, очевидно для того, чтоб избавиться от меня.

Правда это, или нет, я все-таки не могу, по весьма уважительным причинам, выступить его обвинителем. Каким образом разглашу я факт, для подтверждения которого я не имею никаких других доказательств, кроме нравственных. Я не только не могу уличить Гернкасля в убийстве двух Индейцев, найденных мною у двери; но не могу даже

утверждать, что и третий человек, убитый в оружейной палате, пал его жертвой, так как самый факт преступления свершился не на моих глазах. Правда, я слышал слова умирающего Индейца; но если бы слова эти признаны были за бред предсмертной агонии, мог ли бы я отрицать это с полным убеждением? Пусть родные наши с той и другой стороны, прочтя этот рассказ, сами произнесут свой приговор и решат, основательно ли то отвращение, которое я питаю теперь к этому человеку. Несмотря на то что я не придаю ни малейшего вероятия этой фантастической индейской легенде о драгоценном алмазе, я должен однако сознаться, что во мне действует особенный, мною самим созданный предрассудок. Я убежден, считайте это как вам угодно, что преступление всегда влечет за собой наказание. И я верю не только в виновность Гернкасля, но и в то, что настанет время, когда он раскается в своем поступке, если только алмаз не выйдет из его рук. Верю также, что и те, кому он передаст этот камень, будут сожалеть о том, что получили его.

Период первый. Потеря алмаза 1848 г.

Происшествия, повествуемые Габриелем Бетередж, дворецким леди Юлии Вериндер

I

В первой части Робинзона Крузо, на странице сто двадцать девятой, вы найдете следующее изречение: «Теперь только, хотя слишком поздно, увидел я, как безрассудно предпринимать какое-либо дело, не высчитав наперед его издержек и не соразмерив с нам первоначально сил своих».

Не далее как вчера открыл я своего Робинзона Крузо на этой самой странице, а сегодня утром (двадцать первого мая 1850 г.) пришел ко мне племянник миледи, мистер Франклин Блек, и повел со мною такую речь:

— Бетередж, сказал мистер Франклин, — я был сейчас у нашего адвоката по поводу некоторых фамильных дел; между прочим, мы разговорилась о похищении индейского алмаза, из дома тетки моей, в Йоркшире, два года тому назад. Адвокат думает, и я совершенно с ним согласен, что в интересах истины необходимо изложить всю эту историю в письменном рассказе, и чем скорее, тем лучше.

Не подозревая его намерений и полагая, что в обеспечение мира и спокойствия всегда благоразумнее держаться советов адвоката, я отвечал ему, что и сам разделяю его мнение.

— Вам известно, продолжил мистер Франклин, — что пропажа набросила тень на многих невинных лиц. Поэтому не трудно предвидеть, что и в последствии память их подвергнется незаслуженным нареканиям за недостатком письменно изложенных фактов, могущих восстановить истину. Нечего и говорить, что эта странная фамильная история должна быть непременно описана, и я уверен, Бетередж, что мы с адвокатом придумали наилучший способ изложить ее.

Очень могло быть, что так, только я никак не мог уразуметь, какое отношение имело все это ко мне.

— Нам необходимо рассказать известные события, продолжил мистер Франклин, — и между вами найдутся люди, которые, сами принимав участие в этих происшествиях, способны описать их в качестве очевидцев. Это подало нашему адвокату мысль, что мы все должны поочередно писать историю Лунного камня, насколько допустит это ваше личное знакомство с делом, но не более. Мы начнем с того, что расскажем каким путем камень впервые достался моему дяде Гернкаслю, во время службы его в Индии, пятьдесят лет тому назад. Этот пролог я уже отыскал между старыми фамильными бумагами, в форме рукописи, передающей все необходимые

подробности со слов очевидца. Затем последует рассказ о том, как попал этот камень в дом тетки моей, в Йоркшире, два года тому назад, и как менее нежели через двенадцать часов после того он был неизвестно кем похищен. Никто не знает лучше вас, Бетередж, что происходило тогда в этом доме. Берите же перо в руки и начинайте.

Таким-то образом мне было объяснено то личное участие, которое я должен был принять в деле об алмазе. Если вас интересует знать, какой образ действий избрал я в данном случае, то позвольте доложить вам, что я поступил так, как, вероятно, поступили бы и вы на моем месте. Я скромно объявил себя неспособным к возлагаемой на меня обязанности, внутренне сознавая в то же время, что уменя у меня хватило бы, если бы только я решился дать волю моим талантам. Мистер Франклин, вероятно, прочитал эту мысль на лице моем; он не поверил моей скромности и настаивал на том, чтобы я воспользовался случаем приложить свои таланты к делу.

Вот уже два часа как мистер Франклин меня оставил. Не успел он повернуть ко мне спину, как я подошел к своему бюро, чтобы начать свой рассказ. А между тем, несмотря на свои таланты, я до сих пор сижу здесь беспомощный, не зная как приступить к делу, и размышляю вместе с Робинзоном Крузо (смотри выше), что безрассудно

браться за какое-либо предприятие, не высчитав наперед его издержек и не соразмерив с ним первоначально сил своих. Вспомните, что я случайно открыл книгу на этом самом месте накануне своего опрометчивого решения, и позвольте спросить вас, неужто это было не пророчество?

Я не суевер, перечитал в свое время кучу книг и могу назвать себя в некотором роде ученым. Несмотря на свои семьдесят лет, я имею еще свежую память и бодрые ноги. Не принимайте же слов моих за мнение невежды, если я скажу вам, что никогда еще не было да и не будет книги подобной Робинзону Крузо; я обращался к ней в продолжение многих лет, обыкновенно покуривая свою трубочку, и Робинзон всегда был мне истинным другом, во всех трудностях этой земной жизни. Когда я не в духе, открываю Робинзона Крузо. Нужен ли мне совет, беру Робинзона Крузо. Надоест ли, бывало, жена, случится ли и в настоящее время хлебнуть лишнее, опять за Робинзона Крузо. Шесть новых экземпляров этой книги истрепались в моих руках. А наместни миледи, в день рождения, подарила мне седьмой. Я на радостях куликнул было немножко, но Робинзон Крузо скорехонько отрезвил меня. Цена ему четыре шиллинга и шесть пенсов, в голубом переплете и с придачею картинки.

А ведь об алмазе-то никак я еще не сказал ни слова, а? Все брожу да ищу, а где и чего сам не знаю. Нет, уж видно придется взять новый лист бумаги, и с вашего позволения, читатель, начать сызнова.

II

Немного повыше я упоминал о моей госпоже... Ну-с, так алмазу никогда бы не попасть в наш дом, откуда он был потом похищен, если бы дочь миледи не получила его в подарок, а дочь миледи никак не могла бы получить его в подарок; если бы не мать ее, миледи, которая (в страданиях и муках) произвела ее на свет. Следовательно, начиная говорить о матери, мы начинаем наш рассказ издалека; а это, позвольте вам доложить, большое утешение для человека, которому поручено такое мудреное дело, как, например, мне. Если вы хоть сколько-нибудь знакомы с большим светом, читатель, то вы, вероятно, слыхали о трех прекрасных мисс Гернкасль: мисс Аделаиде, мисс Каролине и мисс Юлии младшей, и, по моему мнению, самой красивой из трех; а мне, как вы сейчас увидите, легко было судить об этом. Я поступил в услужение к старому лорду, отцу их (хвала Всевышнему, что он не замешан в предстоящей истории об алмазе; ибо ни в высшем,

ни в низшем кругу никогда не встречал я человека с таким длинным языком и с таким неуживчивым нравом), да, так я говорю, что пятнадцати лет от роду поступил я в дом старого лорда в качестве пажа к трем благородным леди, дочерям его. Там оставался я до замужества мисс Юлии с покойным сэром Джоном Вериндер. Славный был человек; он желал только одного, чтоб им руководил кто-нибудь; и, между нами сказать, руководительница ему нашлась; а что всего лучше, сэра-Джон повеселел, успокоился, стал толстеть и жить себе припеваючи с того самого дня как миледи повезла его под венец и вплоть до своей кончины, когда она приняла его последний вздох и на веки закрыла ему глаза.

Я забыл еще упомянуть о том, что вместе с новобрачною и я переехал в дом и имение ее супруга. «Сэр-Джон,» сказала она мужу: — «я никак не могу обойтись без Габриеля Бетередж.» «Миледи,» отвечал сэра-Джон, — «я и сам не могу обойтись без него.» Так поступал он всегда относительно жены, и вот каким образом попал я к нему в услужение. Впрочем, мне было решительно все равно, куда бы ни ехать, лишь бы не разлучаться с моею госпожой.

Заметив, что миледи интересовалась полевым хозяйством, фермами и пр., я также начал ими интересоваться, тем более, что я сам был седьмой

сын одного бедного фермера. Миледи сделала меня помощником управляющего; я исполнял свою обязанность как нельзя лучше и за свое усердие был, наконец, повышен. Несколько лет спустя, — это было, если не ошибаюсь, в понедельник, миледи — говорит мужу: «Сэр-Джон, ваш управляющий стар и глуп. Увольте его с хорошим награждением, а на его место посидите Габриеля Бетередж.» На другой же день, стало быть, во вторник, сэр-Джон говорит ей: «Миледи, я уволил своего управляющего, дав ему хорошее награждение, а Габриеля Бетередж посадил на его место.» Читателю, вероятно, не раз приходилось слышать о несчастных супружествах. Вот вам совершенно противоположный пример. Да послужит он некоторым в назидание, другим в поощрение, а я между тем буду продолжать свой рассказ.

Теперь-то, вы скажете, что я зажил припеваючи! Занимая почетный и доверенный пост, обладая собственным маленьким коттеджем, по утрам объезжая поля, после обеда составляя отчеты, по вечерам услаждаясь Робинзоном Крузо и трубочкой, чего мог я еще желать для полноты своего счастья? А припомните-ка чего недоставало Адаму, когда он жил в раю одиноким? И если вы оправдываете Адама, так не порицайте же меня за одинаковые с ним желания.

Женщина, обратившая на себя мое внимание, была моя экономка. Ее звали Селина Гоби. Относительно выбора жены, я согласен с мнением покойного Вильяма Кобета. Смотрите, говорит он, чтобы женщина хорошо пережевывала пищу, чтобы она имела твердую поступь, и вы не ошибетесь. Селина Гоби вполне соответствовала этим двум условиям, что и послужило первой побудительною причиной для моей женитьбы на ней. Но у меня была еще, а другая причина, до которой я дошел уже собственным умом. Оставаясь незамужнею, Селина еженедельно стоила мне денег, получая от меня содержание, и известную плату за свой труд. Между тем как став моею женой, она не увеличила бы моих расходов на свое содержание и вдобавок служила бы мне даром. Вот каков был мой взгляд на женитьбу: экономия с легкою примесью любви. Об этом я, как следует, счел за нужное, с должным почтением предупредить свою госпожу.

— Миледи, сказал я, — все это время я размышлял о Селине Гоби и нашел, что мне гораздо выгоднее будет жениться на ней чем держать ее по найму.

Миледи расхохоталась и сказала, что она не знает чему более удивляться — моим правилам или моему языку. Тут у нее вырвалась шутка, которой вам никак не понять, читатель, если вы сами не знатная особа. Уразумев лишь то, что мне

позволяли сделать предложение Селине, я тотчас же к ней отправился. Что же отвечала Селина? Боже праведный! Мало же вы знаете женщин, коли еще спрашиваете об этом. Ну, конечно, она отвечала «да».

Не задолго пред свадьбой, когда начались толки о том, что мне необходимо сшить себе новое платье к предстоявшему торжеству, я немножко оробел. В последствии я справлялся, что испытывали другие люди, находясь в одинаковом со мною, интересном положении, и все в один голос сознались, что за неделю до свадьбы им страх как хотелось освободиться от принятого обязательства. Я, со своей стороны, пошел крошечку далее: я не только пожелал, во и попытался выйти из этого положения. Разумеется, не без должного возмездия невесте. Чувство врожденной справедливости никак не позволяло мне предполагать, чтобы Селина выпустила меня даром. Английские законы вменяют мужчине в непременную обязанность вознаградить женщину, которую он оставляет. Повинуясь закону и тщательно сообразив все невыгоды этого брака, я предложил Селине Гоби перину и пять-десять шиллингов вознаграждения. Ведь вот вы, пожалуй, не поверите, а между тем я говорю вам сущую правду — она была так глупа, что отказалась. После этого, конечно, гибель моя стала неизбежною. Я купил себе дешёвенькое

платье и сыграл самую дешевую свадьбу. Нас нельзя было назвать ни счастливою, ни несчастною четой, потому что мы была и то, а другое. Сам не понимаю как это случилось, только мы беспрестанно наталкивались друг на друга, и всегда с наилучшими побуждениями. Когда мне нужно было идти наверх, жена моя спускалась вниз; а когда жене моей нужно было идти вниз, я поднимался наверх. Так вот какова жизнь женатого человека! уж это я изведал собственным горьком опытом.

После подобных пятилетних столкновений на лестнице, мудрому Провидению угодно было, взяв мою жену, освободить вас друг от друга, а я остался один со своею маленькою дочерью, Пенелопой; других детей у меня не было. Вскоре после того умер сэр-Джон, а миледи также осталась вдовой со своею единственною дочерью, мисс Рахилью. Вероятно, я плохо описал вам госпожу мою, если вы не можете догадаться, как поступала она после смерти жены моей. Она взяла мою маленькую Пенелопу под свое крылышко; поместила её в школу, учила, сделала из вся проворную девочку, а когда она выросла, определила ее в горничные к самой мисс Рахили.

Что же до меня касается, я продолжал из году в год исполнять свою должность управляющего вплоть до Рождества 1847 года, когда в жизни моей

последовала перемена. В этот день миледи сама назвалась ко мне на чашку чая. Она вспомнила, что с тех пор, как я определился пажом в дом старого лорда, отца ее, протекло уже пятьдесят лет моей службы при ее особе, а с этими словами подала мне прекрасный шерстяной жилет своего рукоделья, назначавшийся для того чтобы защищать меня от зимней стужи.

Принимая этот великолепный подарок, я не находил слов благодарить госпожу мою за сделанную мне честь. Однако, к великому удавлению моему, подарок оказался не честью, а подкупом. Миледи заметила прежде меня самого, что я начинаю стареть, и (если мне позволят так выразиться) пришла меня умамливать, чтоб я отказался от моих трудных занятий вне дома и спокойно провел остаток дней моих в качестве ее дворецкого. Я отклонял от себя, сколько мог, обидное предложение жить на покое. Но миледи, зная мою слабую сторону, стала просить меня об этом, как о личном для себя одолжении. Спор наш кончился тем, что я, как старый дурак, утер себе глаза своим новым шерстяным жилетом и отвечал, что подумаю.

По уходе миледи душевное беспокойство мое возросло до таких ужасных размеров, что не будучи в состоянии «думать», я обратился к своему обыкновенному средству, всегда выручавшему

меня во всех сомнительных и непредвиденных случаях моей жизни. Я закурил трубочку и принялся за Робинзона Крузо. Но не прошло и пяти минут моей беседы с этою удивительною книгой, как вдруг попадаю на следующее утешительное местечко (страница сто пятьдесят восьмая): «Сегодня мы любим то, что завтра будем ненавидеть». Не ясный ли это был намек на мое собственное положение? Сегодня мне хотелось во что бы то ни стало оставаться управляющим; завтра же, по мнению Робинзона Крузо, желания мои должны были измениться. Стоило только войти в свою завтрашнюю роль, и дело было в шляпе. Успокоившись таким образом, я лег спать в качестве управляющего леди Вериндер, а поутру проснулся уже ее дворецким. Отлично! И все это благодаря Робинзону Крузо!

Дочь моя Пенелопа сейчас заглянула мне через плечо, желая посмотреть, сколько успел я написать до сих пор. По ее мнению, рассказ мой прекрасен и как нельзя более правдив; но ей кажется, что я не понял свою задачу. Меня просят описать историю алмаза, а я вместо того рассказываю о самом себе. Странно, в толк не возьму, отчего это так случилось! Неужели же люди, для которых сочинение книг служит промыслом и средством к жизни, подобно мне впутывают себя в свои рассказы? Если так, то я

вполне им сочувствую. А между тем вот и опять отступление. Что ж теперь остается делать? Да ничего другого, как читателю вооружаться терпением, а мне в третий раз начинать сызнова.

III

Я пробовал двумя способами решить задачу о том, как приступить к заданному мне рассказу. Во-первых, почесал затылок, что не повело решительно ни к чему; во-вторых, посоветовался со своею дочерью Пенелопой, которая подала мне совершенно новую мысль.

Пенелопа советует мне начать рассказ подробным описанием всего случившегося с того самого дня, как мы узнали, что в доме ожидают прибытия мистера Франклина Блек. Стоит только остановить свою память на известном числе и годе, и она станет подбирать вам после этого небольшого умственного напряжения факт за фактом с необыкновенною быстротой. Главное затруднение состоит в том, чтобы найти точку опоры; но в этом Пенелопа берется помочь мне, предлагая для справок свой собственный дневник, который заставляли ее вести в школе и который она не прекращает и до сих пор. В ответ на мое предложение самой рассказать эту историю по своему дневнику, Пенелопа вспыхнула и отвечала с

сердитым взглядом, что она ведет свой дневник единственно для себя, и что ни одно живое существо не должно знать его содержания. Я спросил ее, о чем же она там пишет? «Так, о пустяках,» отвечала она, а я думаю, что скорее о любовных проделках.

Итак, начинаю по плаву Пенелопы и прошу читателя заметить, что в среду утром, 24-го мая 1848 года, я был нарочно позвав в кабинет миледи.

— Габриель, сказала она, — вот новости, которые должны удивить вас. Франклин Блек вернулся из чужих краев. Он остался погостить на время у отца своего, в Лондоне, а завтра приедет к вам и пробудет здесь около месяца, чтобы провести с вами день рождения Рахили.

Имей я тогда шляпу в руках, я разве только из уважения к миледи не позволил бы себе подбросить ее к потолку. Я не видал мистера Франклина со времени его детства, проведенного в нашем доме. Изо всех знакомых мне шалунов и буянов, это был, по моему мнению, самый прелестный мальчик. В ответ на это замечание, мисс Рахиль сказала мне, что ей, по крайней мере, он до сих пор представляется лютым тираном, терзавшим кукол и загонявшим изнеможенных девочек веревочными вожжами.

— Я пылаю негодованием и изнемогаю от усталости, когда вспомню о Франклине Блек,

сказала она в заключение.

Прочитав все это, вы, конечно, спросите меня, как это случилось, что мистер Франклин провел всю свою юность вне отечества? А вот как, отвечу я: отец его, по несчастию, был ближайшим наследником одного герцогства, не имея возможности доказать своих прав на него.

Короче сказать, вот как это случилось.

Старшая сестра миледи вышла замуж за знаменитого мистера Блек, одинаково прославившегося своим богатством и своим нескончаемым процессом. Сколько лет надоедал он судебным местам своего государства, требуя изгнания герцога, овладевшего его правами, и требуя своего собственного водворения на его месте; скольким адвокатам набил он кошельки и сколько других безобидных людей затормошил он, доказывая им законность своих притязаний, — я теперь решительно не в состоянии перечесть. Жена, так же как и двое из троих детей его, умерли прежде чем суды решали запереть ему дверь и не пользоваться больше его деньгами. Когда средства его уже окончательно истощилась, а несокрушимый герцог преспокойно продолжал пользоваться своею властью, мистер Блек придумал отомстить своему отечеству за несправедливость, лишив его чести воспитать его сына.

— Как могу я довериться своим

отечественным учреждениям, говорил он, — после их поступка со мной?

Прибавьте к этому, что мистер Блек не любил вообще мальчиков, в том числе и своего собственного сына, и вы легко поймете, что это должно было привести к одному концу. Мистер Франклин был взят от нас и послан в страну таких учреждений, которым мог довериться его отец, в пресловутую Германию. Сам же мистер Блек, заметьте это, приютился в Англии, с целью усовершенствовать своих соотечественников заседающих в парламенте и издать свой отчет по делу о владетельном герцоге, своем сопернике, — отчет, оставшийся и до сей поры неоконченным. Ну! слава Богу, рассказал! Ни вам, ни мне не нужно более обременять своей головы мистером Блеком старшим. Оставим же его при его герцогстве, а сами примемся за историю алмаза.

Это вынуждает нас вернуться к мистеру Франклину, который послужил невинным орудием для передачи в наш дом этой несчастной драгоценности.

Наш прелестный мальчик не забывал нас и во время своего пребывания за границей. От времени до времени он писал то к миледи, то к мисс Рахили, иногда и ко мне. Пред отъездом своим он отнесся ко мне с маленьким дельцем: занял у меня клубок бичевы, и ножичек о четырех клинках и семь

сикспенсов деньгами. С этой минуты я не видал их более, да и вряд ли когда-нибудь увижу. Письма его собственно ко мне заключали в себе только просьбы о новых займах, но я все-таки знал чрез миледи о его житье-бытье за границей, с тех пор как он стал взрослым человеком. Усвоив себе все, чему могли научить его германские учебные заведения, он познакомился с французскими, а затем с итальянскими университетами. По моим понятиям, они образовали из него нечто вроде универсального гения. Он немножко пописывал, крошечку рисовал, пел, играл и даже сочинял немного, вероятно, не переставая в то же время занимать направо и налево так, как он занимал у меня. Достигнув совершеннолетия, он получил наследство, оставленное ему матерью (семьсот фунтов в год), и пропустил его сквозь пальцы, как сквозь решето. Чем больше у него было денег, тем более он в них нуждался; в кармане мистера Франклина была прореха, которую никак нельзя было зашить. Его весёлый и непринужденный нрав делал его приятным во всяком обществе. Он умел попевать всюду с необыкновенной быстротой; адрес его всегда был следующий: «Европа, почтовая контора, удержать до востребования.» Уже два раза собирался он к нам и всякий раз (извините меня) повертывалась какая-нибудь дрянь, которая удерживала его подле себя. Наконец,

третья попытка его удалась, как известно из приведенного выше разговора моего с миледи. Во вторник, 25-го мая, мы должны были в первый раз увидеть вашего прелестного мальчика в образе мужчины. Он был знатного происхождения, мужественного характера, и имел, по вашему расчету, двадцать пять лет от роду. Ну, теперь вы столько же знаете о мистере Франклине Блеке, сколько я сам звал до приезда его к вам.

В четверг была прелестнейшая погода. Не ожидая мистера Франклина ранее обеда, миледи и мисс Рахиль отправились завтракать к соседям. Проводив их, и пошел взглянуть на спальню, приготовленную вашему гостю, и нашел там все в порядке. Затем я спустился в погреб (нужно сказать вам, что я был не только дворецкий, но и ключник, по собственному моему желанию, заметьте, потому что мне досадно было видеть кого-либо другого обладателем ключей от погреба покойного сэра Джона), достал бутылочку вашего превосходного кларета и поставил ее погреться до обеда на теплом летнем воздухе. Сообразив, что если это полезно для старого бордо, то оно столько же будет пригодно и для старых костей, я собрался было и сам расположиться на солнышке, и взяв свой плетеный стул, направился уже к заднему двору, как вдруг меня остановил тихий барабанный бой, раздавшийся на террасе, против комнат миледи.

Обойдя кругом террасы, я увидел смотревших на дом трех краснокожих Индейцев, в белых полотняных шароварах и балахонах.

Вглядевшись пристальнее, я заметил, что у них привязаны была на груди небольшие барабаны. Их сопровождал маленький, худенький, светло-русый английский мальчик с мешком в руках. Я принял этих господ за странствующих фокусников, предполагая, что мальчик с мешком носит за ними орудия их ремесла. Один из Индейцев, говоривший по-английски и имевший, должно сознаться, довольно изящные манеры, тотчас подтвердил мое предположение и просил позволения показать свое искусство в присутствии хозяйки дома.

Я не брюзгливый старик; люблю удовольствия, и менее других расположен не доверять человеку за то только, что он темнее меня цветом кожи. Но лучшие из нас имеют свои слабости, от которых несвободен и я; например, если мне известно, что корзина с хозяйским фамильным сервизом стоит в кладовой, то я при первом взгляде на ловкого странствующего фокусника немедленно вспоминаю об этой корзине. Вот почему я поспешил уведомить Индейца, что хозяйка дома уехала, и просил его удалиться со своими товарищами. В ответ на это он низко поклонился мне и ушел. Я же вернулся к своему

плетенному стулу, и сев на солнечной стороне двора, погрузился (коли говорить правду) не то что в сон, но в то сладкое состояние, которое предшествует сну.

Меня разбудила дочь моя Пенелопа, бежавшая ко мне словно с известием о пожаре. Как бы вы думали что ей нужно было? Она требовала, чтобы немедленно арестовали трех Индейцев-фокусников, единственно за то, что они знали кто должен был приехать к нам из Лондона и будто бы злоумышляли против мистера Франклина Блэка.

Услышав имя мистера Франклина, я проснулся, открыл глаза и приказал своей дочери объясниться.

Оказалось, что Пенелопа только что вернулась из квартиры нашего привратника, куда она ходила болтать с его дочерью. Обе они видели как удалились Индейцы в сопровождении своего мальчика, после того как я просил их уйти. Вообразив себе, что иностранцы дурно обращаются с мальчиком (хотя поводом к такому предположению служил только его жалкий вид и слабое сложение), обе девушки прокрались по внутренней стороне изгороди, отделяющей нас от дороги, и стали наблюдать за действиями иностранцев, которые приступили к следующим удивительным штукам.

Бросив испытующий взгляд направо и налево, чтоб удостовериться, что никого нет вблизи, они повернулись потом лицом к дому и стали пристально смотреть на него; затем потараторив и поспорив между собой на своем родном языке, они в сомнении посмотрели друг на друга и наконец обратились к своему маленькому Англичанину, как бы ожидая от него помощи. Тогда главный магик, говоривший по-английски, сказал мальчику. «Протяни свою руку».

«Эти слова так испугали меня, сказала Пенелопа, что я удивляюсь как сердце у меня не выскочило.» А я подумал про себя, что этому, вероятно, помешала шнуровка, хотя сказал ей только одно: «Ужасно! Ты и меня заставляешь дрожать от страха.» (Заметим в скобках, что женщины большие охотницы до подобных комплиментов).

«Услыхав приказание индейца протянуть руку, мальчик отшатнулся назад, замотал головой и отвечал, что ему не хочется. Тогда магик спросил его (впрочем, без малейшего раздражения), не желает ли он, чтоб его опять отправили в Лондон и оставили на том самом месте, где, голодный, оборванный, всеми покинутый, он был найден спящим на рынке в пустой корзине. Этого было достаточно, чтобы положить конец его колебаниям, а мальчишка нехотя протянул руку. Затем Индеец

вынул из-за пазухи бутылку, налил из нее какой-то черной жидкости на ладонь мальчика, и дотронувшись до головы его, помахал над ней рукой в воздухе, говоря, «гляди».

«Мальчик как будто онемел и устремил неподвижный взор на чернила, налитые у него на ладони.»

(Все это казалось мне просто фокусами, сопровождавшимися пустою тратой чернил. Я уже начинал было дремать, как вдруг слова Пенелопы опять разогнала мой сон.)

«Индейцы, продолжила она, снова оглянулись по сторонам, а затем главный магик обратился к мальчику со следующими словами:

«— Смотри на Англичанина, приехавшего из чужих краев.

«— Я смотрю на него, отвечал мальчик.

«— Не по другой какой-нибудь дороге, а именно по той, которая ведет к этому дому, поедет сегодня Англичанин? спросил Индеец.

«— Он поедет не по другой какой-нибудь дороге, а именно по той, которая ведет к этому дому, отвечал мальчик.

«Немного погодя Индеец снова сделал ему вопрос:

«— Имеет ли его Англичанин при себе?

«Опять помолчав с минуту, мальчик отвечал:

«— Да.

«Тогда Индеец задал ему третий вопрос:

«— Приедет ли сюда Англичанин, как обещался, сегодня вечером?»

«— Не могу отвечать, сказал мальчик.

«— Почему же? спросил Индеец.

«— Я устал, отвечал мальчик. — В голове подымается туман и мешает мне видеть. Не могу ничего более разглядеть сегодня.»

Тем кончался допрос. Главный магик заговорил на своем родном языке с остальными товарищами, указывая им на мальчика и на близлежащий город, в котором они остановились (как мы узнала в последствии). Затем, начав опять разводить руками по воздуху над головой мальчика, он дунул ему в лицо и разбудил его своим прикосновением. После этого они все направились в город, и девочки уже более не видали их.

Из всякого обстоятельства, говорят, можно сделать свой вывод. Что же должен я был заключать из рассказа Пенелопы?

Во-первых, то, что главный магик подслушал у ворот разговор прислуги о приезде мистера Франклина и думал воспользоваться этим обстоятельством, чтобы заработать несколько денег. Во-вторых, что он, его товарищи и их маленький спутник (с целью получить упомянутые деньги) думали выждать возвращения миледи домой, вернуться затем назад и с помощью

волхвований предсказать приезд мистера Франклина. В-третьих, что Пенелопа, вероятно, подслушала как повторяли они свои фокусы, подобно актерам, репетирующим известную пьесу. В-четвертых, что мне не мешает сегодня вечером хорошенько присмотреть за посудой. В-пятых, что Пенелопе следовало бы лучше успокоиться, и оставить отца своего подремать на солнышке. Это показалось мне самым разумным взглядом на дело. Но если бы вы звали образ мыслей молодых женщин, то вы не удивились бы, что Пенелопа не согласилась со мной. По словам ее, это дело было весьма серьезное. Она в особенности обращала мое внимание на третий вопрос Индейца: «Имеет ли его Англичанин при себе?»

— О, бабушка, сказала Пенелопа, всплеснув руками, — не шутите этим! Что подразумевает он под словом его?

— Мы спросам об этом у мистера Франклина, моя малая, отвечал я, — если ты будешь только иметь терпение дожидаться его приезда. — Я подмигнул ей, желая показать этим, что говорю шутя; но Пенелопа не поняла моей шутки. Глядя на ее серьезный вид, я наконец не выдержал. — Глупенькая, сказал я, — что же может знать об этом мистер Франклин?

— Спросите его сами, отвечала Пенелопа — и увидите тогда, станет ли он смеяться.

Пострадав меня этою последнею угрозой, дочь моя ушла. Оставшись один, я порешил сам с собой расспросить об этом мистера Франклина, единственно для того чтоб успокоить Пенелопу. Какой в этот же вечер произошел между нами разговор, об этом предмете вы узнаете в своем месте. Но так как мне не хотелось бы возбудить ваших ожиданий с тем, чтобы после обмануть их, то прежде чем идти вперед, я предупрежу вас в заключение этой главы, что разговор наш о фокусниках оказался далеко не шутливым. К великому удивлению моему, мистер Франклин принял это известие так же серьезно, как приняла его и Пенелопа. А насколько серьезно, вы поймете это сами, когда я скажу вам, что по мнению мистера Франклина, под словом его подразумевался Лунный камень.

IV

Мне право очень жаль, читатель, что я еще на несколько времени должен удержать вас около себя и своего плетеного стула. Знаю, что сонливый старик, греющийся на солнечной стороне заднего двора, не представляет ничего интересного. Но для всего есть свой черед, и потому вам необходимо посидеть минутку со мной в ожидании приезда мистера Франклина Блека. Не успел я вторично

задремать после ухода дочери моей Пенелопы, как меня снова потревожил долетавший из людской звон тарелок и блюд, который означал время обеда. Не имея ничего общего со столом прислуги (мой обед мне приносят в мою комнату), я мог только пожелать им всем хорошего аппетита, прежде чем снова успокоиться в своем кресле. Едва я успел вытянуть ноги, как на меня наскочила другая женщина. Но на этот раз то была не дочь моя, а кухарка Нанси. Я загородил ей дорогу и заметил, когда она просила меня пропустить ее, что у нее сердитое лицо, чего я, как глава прислуги, по принципу, никогда не оставляю без исследования.

— Зачем вы бежите от обеда? спросил я. — Что случилось, Нанси?

Нанси хотела было выскользнуть, не отвечая; но я встал и взял ее за ухо. Она маленькая толстушка, а я имею привычку выражать эту лаской свое личное благоволение к девушке.

— Что же случилось? повторил я.

— Розанна опять опоздала к обеду, сказала Нанси. — Меня послали за нею. Все тяжелые работы в этом доме падают на мои плечи. Отставьте, мистер Бетередж!

Розанна, о которой она упоминала, была ваша вторая горничная. Чувствуя к ней некоторого рода сострадание (вы сейчас узнаете почему) и видя по лицу Нанси, что она готова была осыпать свою

подругу словами более жесткими чем того требовали обстоятельства, я вспомнил, что не имея никакого особенного занятия, я и сам могу сходить за Розанной, и кстати посоветовать ей на будущее время быть поисправнее, что она, вероятно, терпеливее примет от меня.

— Где Розанна? спросил я.

— Конечно на песках! отвечала Нанси, встряхнув головой. — Сегодня утром с ней опять приключился обморок, и она просила позволения пойти подышать чистым воздухом. У меня не хватает с ней терпения!

— Идите обедать, моя милая, сказал я. — У меня достанет терпения, и я сам схожу за Розанной.

Нанси (имевшая славный аппетит) осталась этим очень довольна. Когда она довольна, она мила. А когда она мила, я щиплю ее за подбородок. Это вовсе не безнравственно, это не более как привычка.

Я взял свою палку и отправился на пески.

Нет, погодите. Делать нечего, видно придется еще немножко задержать вас; мне необходимо сперва рассказать вам историю песков и историю Розанны, так как дело об алмазе близко касается их обоих. Сколько вы стараюсь я избегать отступлений в своем рассказе, а все безуспешно. Но что же делать! В этой жизни лица и вещи так перепутываются между собой и так навязчиво

напрашиваются на наше внимание, что иногда нет возможности обойти их молчанием. Будьте же хладнокровнее, читатель, и я обещаю вам, что мы скоро проникнем в самую глубь тайны.

Розанна (простая вежливость заставляет меня отдать преимущество лицу пред вещью) была единственная новая служанка в нашем доме. Четыре месяца тому назад госпожа моя была в Лондоне и посещала один из исправительных домов, имеющих целью не допускать освобожденных из тюрьмы преступниц снова возвратиться к порочной жизни. Видя, что госпожа моя интересуется этим учреждением, надзирательница указала ей на одну девушку, по имени Розанну Сперман, и рассказала про нее такую печальную историю, что у меня не хватает духа повторить ее здесь. Я не люблю сокрушаться без нужды, да и вы, вероятно, также, читатель. Дело в том, что Розанна Сперман была воровка; но не принадлежа к числу тех воров, которые образуют целое общество в Сити, и не довольствуясь кражей у одного лица, обкрадывают целые тысячи, она была схвачена и по приговору суда посажена в тюрьму, а оттуда переведена в исправительный дом.

Надзирательница находила, что (несмотря на свое прежнее поведение) Розанна была славная девушка, и что ей не доставало только случая

заслужить участие любой христианки. Госпожа моя (другую подобную ей христианку трудно было бы сыскать на свете) отвечала надзирательнице, что она доставит этот случай Розанне Сперман, взяв ее к себе в услужение.

Неделю спустя Розанна Сперман поступила к нам в должность второй горничной. Кроме меня, и мисс Рахили, никто не знал ее истории. Госпожа моя, делавшая мне честь спрашивать моего совета во многих случаях, посоветовалась со мной и относительно Розанны.

Усвоив себе в последнее время привычку покойного сэра Джона — всегда соглашаться с моею госпожой, я, и в настоящем случае согласился с нею вполне. Вряд ли кому пришлось бы найти такой удобный случай для исправления, какой представился Розанне в нашем доме. На один слуга не мог бы упрекнуть ее за прошлое, потому что оно было тайной для всех. Она получала свое жалованье, пользовалась некоторыми привилегиями наравне с остальной прислугой, и от времени до времени была поощряема дружеским словом моей госпожи. За то и Розанна оказалась, нужно ей отдать справедливость, весьма достойною подобного обращения. Слабого здоровья, и подверженная частым обморокам, о которых было упомянуто выше, она исполнила свою обязанность скромно, безропотно, старательно и исправно. Но

несмотря на то, она не сумела приобрести себе друзей между остальными служанками, за исключением дочери моей Пенелопы, которая, избегая особенно тесного сближения, всегда обращалась с нею ласково и приветливо. Сам не понимаю, за что она невзлюбила эту девушку. Конечно, не красота ее могла возбудить их зависть, потому что она была самой непривлекательной наружности, а вдобавок еще имела одно плечо выше другого. Мне кажется, что прислуге в особенности не нравилась ее молчаливость и любовь к уединению. Между тем как другие в свободное время болтали и сплетничали, она занималась работой или чтением. Когда же наступала ее очередь выходить со двора, то она спокойно надевала свою шляпку и шла прогуливаться одна. Она ни с кем не ссорилась, ничем не обижалась; но не нарушая правил общежития и вежливости, она упорно держала своих сотоварищей на довольно далёком от себя расстоянии. Прибавьте к этому, что при всей простоте ее, в ней было нечто скорее принадлежащее леди чем простой горничной. В чем именно проявлялось это, в голосе или в выражении ее лица — не умею сказать вам точно; знаю только, что с первого же дня ее поступления в дом это возбудило против нее сильные нападки со стороны других женщин, которые говорили (что было

однако совершенно несправедливо), будто Розанна Сперман важничает. Рассказав теперь историю Розанны, мне остается упомянуть еще об одной из многих странностей этой непонятной девушки, чтобы затем уже прямо перейти к истории песков.

Дом наш стоит в близком расстоянии от моря, на одном из самых возвышенных пунктов Йоркширского берега. Идущие от него во всех направлениях дорожки так и манят к прогулке, за исключением одной, которая ведет к морю. Это, по моему мнению, преотвратительная дорога. Пролегая на четверть мили чрез печальные места, поросшие сосновым лесом, она тянется далее между двумя рядами низких утесов и приводит вас к самой уединенной и некрасивой маленькой бухте на всем нашем берегу. Отсюда спускаются к морю песчаные холмы и образуют наконец два остроконечные, насупротив друг друга лежащие утеса, которые далеко выдаются в море и теряются в его волнах. Один из них носит название северного, другой южного утеса. Между ними, колеблясь из стороны в сторону в известные времена года, находятся самые ужаснейшие зыбучие пески Йоркширского берега. Во время отлива что-то движется под вами в неизведанных безднах земли, заставляя всю поверхность дюн волноваться самым необыкновенным образом; вследствие чего жители этих мест дали им название

«зыбучих песков». Лежащая у входа в залив большая насыпь в полмили длиной служит преградой свирепым натискам открытого океана. Зимой и летом, во время отлива, море оставляет как бы позади насыпи свои яростные волны и уже плавным, тихим потоком разливается по песку. Нечего сказать, уединенное и мрачное место! Ни одна лодка не отваживается войти в этот залив. Дети соседней рыбацкой деревни, Коббс-Голь, никогда не приходят играть сюда, и мне кажется, что самые птицы летят как можно дальше от зыбучих песков. Потому я решительно не мог понять, каким образом молодая девушка, имевшая возможность выбирать себе любое место для прогулки и всегда найти достаточно спутников, готовых идти с ней по ее первому зову, предпочитала уходить сюда одна и проводить здесь время за работой или чтением. Объясните это как угодно, но дело в том, что Розанна Сперман по преимуществу ходила гулять сюда, за исключением одного или двух раз, когда она отправлялась в Коббс-Голь проведать свою единственную жившую вблизи подругу, о которой мы поговорим в последствии.

Поэтому и я направился прямо к пескам, чтобы звать Розанну обедать. Ну, слава Богу! Кажется, мы опять возвратилась к тому моменту, откуда я начал эту главу.

В сосновой аллее не было и следа Розанны. Пробравшись чрез песчаные холмы ко взморью, я увидел ее маленькую соломенную шляпку и простой серый плащ, который она постоянно носила, желая сколь возможно скрыть свое увечье; она стояла на берегу одна, погруженная в созерцание моря, и песков. Увидя меня, Розанна вздрогнула и отвернулась. Мои принципы не позволяют мне, как главе прислуги, оставлять такие поступки без исследования, и потому я повернул ее к себе и тут только заметил, что она плачет. В кармане моем лежал прекрасный шелковый платок, один из полудюжины, подаренной мне миледи. Я вынул его и сказал Розанне:

— Пойдемте, моя милая, и сядемте вместе на берегу. Я сперва осушу ваши слезы, а затем осмелюсь спросить вас, о чем вы плакали?

Если вам придется дожить до моих лет, читатель, то вы сами увидите, что усесться на покатом берегу вовсе не так легко как это вам кажется. Пока я усаживался, Розанна уже утерла свои глаза не моим прекрасным фуляром, а своим дешевеньким кембриковым платком. Несмотря на свое спокойствие, она казалась в высшей степени несчастною; но тотчас же повиновалась мне и села. Когда вам придется утешать женщину, прибегните к вернейшему для этого средству, — возьмите ее к себе на колена. Мне самому пришло в голову это

золотое правило. Но ведь Розанна была не Нанси, в этом-то вся и штука!

— Ну, моя милая, сказал я, — так о чем же вы плакали?

— О своем прошлом, мистер Бетередж, спокойно отвечала Розанна, — по временам оно снова оживает в моей памяти.

— Полно, полно, дитя мое, сказал я, — от вашей прошлой жизни не осталось и следа. Что же вам мешает позабыть ее?

Вместо ответа, она взяла меня за полу сюртука. Нужно вам оказать, что я пренеопрятный старикашка и постоянно оставляю следы кушанья на своем платье. Женщины поочередно отчищают их, а еще накануне Розанна вывела сальное пятно из полы моего сюртука каким-то новым составом, который уничтожает всевозможные пятна. Жир действительно вышел, но на ворсе оставался легкий след в виде темноватого пятна. Девушка указала на это место и покачала головой.

— Пятна-то нет, сказала она, — но след его остался, мистер Бетередж, след остался!

Согласитесь, что не легко отвечать на замечание, сделанное вам невзначай, а притом по поводу вашего же собственного платья. Сверх того, печальный вид девушки как-то особенно тронул меня в эту минуту. Ее прекрасные томные глаза, единственное, что могло в ней нравиться, и то

уважение, с которым она относилась к моей счастливой старости и заслуженной репутации, как к чему-то недостижимому для нее самой, переполнили мое сердце глубокою жалостью к нашей второй горничной. Не чувствуя себя способным утешать ее, я счел за лучшее вести ее обедать.

— Помогите-ка мне встать, Розанна, сказал я. — Вы опоздали к обеду, и я пришел за вами.

— Вы, мистер Бетередж? отвечала она.

— Да, за вами послана была Нанси, отвечал я. — Но я рассудил, моя милая, что от меня вы скорее снесете одно маленькое замечаньице.

Вместо того чтобы помочь мне приподняться, бедняжка боязливо взяла меня за руку и пожалала ее. Она всячески старалась подавить выступившие на глазах ее слезы и наконец успела в этом. С тех пор я стал уважать Розанну.

— Вы очень добры, мистер Бетередж, отвечала она. — У меня сегодня нет аппетита: позвольте мне посидеть здесь еще несколько времени.

— Какая вам охота оставаться здесь, и почему вы постоянно выбираете это унылое место для ваших прогулок? спросил я Розанну.

— Что-то влечет меня сюда, отвечала девушка, чертя пальцем по песку. — Я делаю над собой усилие чтобы не приходиться сюда и все-таки

прихожу иногда, сказала она тихо, будто пугаясь своей собственной мысли, — иногда, мистер Бетередж, мне кажется, что тут найду я свою могилу.

— Знаю одно, что дома найдете вы жареную баранину и жирный пудинг! отвечал я. — Ступайте же скорее обедать, Розанна! Вот, до чего доводят размышления на тощий желудок.

Я говорил с ней строго; мне досадно было (в мои лета) слышать, что двадцатипятилетняя женщина толкует о смерти! Но, должно быть, она не слыхала слов моих, потому что положив мне руку на плечо, она не трогалась с места и таким образом продолжала удерживать меня подле себя.

— Это место очаровало меня, сказала она. — Ночью я вижу его во сне; днем я мечтаю о нем, сидя за своею работой. Вы знаете, мистер Бетередж, что я признательна за сделанное мне добро; я стараюсь показать себя достойною вашего расположения и доверия миледи. Но иногда мне кажется, что жизнь в этом доме слишком хороша и безмятежна для такой женщины как я, которая столько надела, мистер Бетередж, столько испытала. Я чувствую себя менее одинокою в этом уединенном месте нежели посреди прочих слуг, которые не имеют ничего общего со мной. Конечно, ни миледи, ни надзирательнице исправительного дома не понять, каким ужасным

упреком служат честные люди таким женщинам, как я. Не браните меня, миленький мистер Бетередж. Ведь я все делаю, что мне приказывают — не правда ли? Не говорите же миледи, что я чем-нибудь недовольна; напротив того, я всем довольна. Иногда только душа моя смущается — вот и все.

Вдруг она отдернула свою руку от моего плеча и указала мне на пески.

— Смотрите, сказала Розанна, — не удивительное ли, не ужасное ли это зрелище?

Мне уже не раз приходилось его видеть и несмотря на то оно всегда кажется мне новым. Я взглянул по направлению ее руки. В это время начинался отлив, и страшный песчаный берег заколыхался. Его обширная бурая поверхность медленно вздулась, потом подернулась мелкою рябью и задрожала.

— Знаете ли, на что это похоже? сказала Розанна, схватив меня опять за плечо? — Мне кажется, будто под этими песками задыхаются сотни людей; они силятся выйти на поверхность, но все глубже и глубже погружаются в бездну! Бросьте туда камень, мистер Бетередж, бросьте и посмотрите, как его втянет в песок.

Вот он горячечный бред-то! Вот он тощий-то желудок, действующий на тревожный ум! С языка моего уже готов был сорваться резкий ответ — в

интересах самой бедняжки, уверяю вас, — как вдруг внезапно раздавшийся между холмами голос остановил меня. «Бетередж, взывал голос, где вы?» «Здесь», отвечал я, не понимая, кто бы мог звать меня. Розанна вскочила и стала смотреть по тому направлению, откуда слышался голос. Я и сам собирался уже встать, но заметив внезапную перемену, происшедшую в лице девушки, остался прикованным к своему месту. По щекам Розанны разлился прелестный румянец, какого еще никогда не приходилось мне у нее видеть: безмолвное, радостное изумление сказалось во всей ее фигуре. Кого вы там видите? спросил я. Розанна только повторила мой вопрос: «О! кого я вижу?» прошептала она, как бы думая вслух. Но вставая с своего места, я повернулся, и стал смотреть кто бы мог звать меня. К нам шел из-за холмов молодой джентльмен, в светлом летнем платье, такой же шляпе и перчатках, с розаном в петлице и с столь ясным улыбающимся лицом, что даже эта мрачная местность должна была озариться от его улыбки. Прежде нежели я успел встать, он бросился возле меня на песок, обняв меня по иностранному обычаю и так крепко стиснул в своих объятиях, что из меня чуть-чуть не вылетел дух.

— Милый старый Бетередж, говорил он. — Я должен вам семь шиллингов с половиной. Теперь, надеюсь, вы догадываетесь кто я?

Боже праведный! Это был мистер Франклин Блек, приехавший четырьмя часами ранее чем мы его ожидали. Не успел я еще вымолвить и слова, как мне показалось, что мистер Франклин перенес удивленный взор свой на Розанну. Вслед за ним и я посмотрел на нее. Вероятно, смутившись от взгляда мистера Франклина, она сделалась вся пунцовой, и в замешательстве, которого ничем не могу объяснить себе, ушла от нас, не поклонившись ему и не сказав ни слова мне. Я не узнавал Розанны, потому что, вообще говоря, трудно было найти более учтивую и благопристойную горничную.

— Вот странная девушка, сказал мистер Франклин. — Не понимаю, что она находит во мне такого необыкновенного?

— Мне кажется, сэръ, отвечал я, подсмеиваясь над его континентальным воспитанием, — ее уловляет ваш заграничный лоск.

Я привел здесь пустой вопрос мистера Франклина, равно как и свой дурацкий ответ лишь в утешение и ободрение всем ограниченным людям; потому что не раз случалось мне видеть, какую отраду приносит им сознание, что и более одаренные их собратья оказываются в иных случаях столько же ненаходчивы, как и она сама. Ни мистеру Франклину с его удивительным заграничным воспитанием, ни мне с моим многолетним опытом и врожденным остроумием и

в голову не приходило, что было действительною причиною необъяснимого смущения Розанны Сперман. Впрочем, мы забыли о бедняжке прежде нежели скрылся за холмами ее маленький серый плащ. «Ну, что же из этого следует?» вероятно, спросит читатель. Читайте, почтенный друг, читайте терпеливее, и кто знает, не пожалее ли вы Розанну Сперман столько же, сколько пожалел я, когда узнал всю истину.

V

По уходе Розанны, я прежде всего приступал к третьей попытке приподняться с песку. Но мистер Франклин остановил меня.

— Это мрачное убежище имеет свои преимущества, сказал он. — Мы может быть уверены, что здесь никто нам не помешает. Оставайтесь на своем месте, Бетередж, мне нужно поговорить с вами.

Между тем как он говорил, я не опускал с него глаз, стараясь отыскать в сидевшем подле меня мужчине сходство с тем мальчиком, которого я знал когда-то. Но мужчина решительно сбивал меня с толку. Я мог бы до утра смотреть на мистера Франклина, а все не пришлось бы мне увидеть его детских розовых щечек, его нарядной маленькой курточки. Он был теперь бледен, а нижняя часть

лица его, к величайшему моему удивлению и разочарованию, покрылась вьющеюся темною бородой и усами. Живая развязность его манер была, конечно, весьма привлекательна, но ничто не могло сравниться с его прежнею грациозною непринужденностью.

Вдобавок он обещал быть высоким и не сдержал своего обещания. Правда, он имел красивую, тонкую и хорошо сложенную фигуру, но рост его ни на один дюйм не превышал того, что обыкновенно зовут средним ростом. Короче сказать, он был неузнаваем. Время все изменило в нем, пощадив только его прежний открытый, светлый взгляд. По нем только и узнал я наконец прежнего любимца, и уж дальше не пошел в своих исследованиях. — Добро пожаловать в родное гнездышко, мистер Франклин, сказал я. — Тем приятнее вас видеть, сэр, что вы несколькими часами предупредили ваши ожидания.

— Мне нужно было поторопиться, отвечал мистер Франклин. — Я подозреваю, Бетередж, что в эти последние три или четыре дня за мной присматривали и следили в Лондоне; и потому, желая ускользнуть от бдительности одного подозрительного иностранца, я, не дожидаясь послеобеденного поезда, приехал с утреним.

Слова эти поразили меня. Они мигом напомнили мне трех фокусников и предположение

Пенелопы, будто они злоумышляют против мистера Франклина Блека.

— Кто же следил за вами, сэра, и с какою целью? спросил я.

— Расскажите-ка мне о трех Индейцах, которые приходили сюда нынче, сказал мистер Франклин, не отвечая на мой вопрос. — Легко может быть, Бетередж, что мой незнакомец и ваши три фокусника окажутся принадлежащими к одной и той же шайке.

— Как это вы узнали, сэра, о фокусниках? спросил я, предлагая ему один вопрос за другим, что, сознаюсь, обличало во мне весьма дурной тон; но разве вы ждали чего-нибудь лучшего от жалкой человеческой природы, читатель? Так будьте же ко мне снисходительнее.

— Я сейчас видел Пенелопу, отвечал мистер Франклин, — она-то и рассказала мне о фокусниках. Ваша дочь, Бетередж, всегда обещала быть хорошенькою и сдержала свое обещание. У нее маленькая ножка и маленькие уши. Неужели покойная мистрис Бетередж обладала этими драгоценными прелестями?

— Покойная Бетередж имела много недостатков, сэра, отвечал я. — Один из них (с вашего позволения) состоял в том, что она никаким делом не могла заняться серьезно. Она была скорее похожа на муху чем на женщину и ни на чем не

останавливалась.

— Стало быть, мы могли бы сойтись с ней, отвечал мистер Франклин. — Я сам не останавливаюсь ни на чем. Ваше остроумие, Бетередж, не только ничего не утратило, но, напротив, выиграло с годами. Правду сказала Пенелопа, когда я просил ее сообщить мне все подробности о фокусниках: «Спросите лучше у батюшки, он расскажет вам лучше меня», отвечала ваша дочь, «он еще удивительно свеж для своих лет и говорит как книга.» Тут щеки Пенелопы покрылись божественным румянцем, и несмотря на все мое уважение к вам, я не мог удержаться, чтобы... — догадывайтесь сами. Я знал ее еще ребенком, но это не уменьшает в моих глазах ее прелестей. Однако, шутки в сторону. Что делали тут фокусники?

Я был недоволен своею дочерью, не за то что она дала мистеру Франклину поцеловать себя, — пусть целует сколько угодно, — а за то, что она вынуждала меня повторять ему ее глупую историю о фокусниках. Нечего делать, нужно было рассказать все обстоятельно. Но веселость мистера Франклина мгновенно исчезла. Он слушал меня насупив брови и подергивая себя за бороду. Когда же я кончил, он повторил вслед за мной два вопроса, предложенные мальчику главным магом, и повторил, очевидно, для того, чтобы

лучше удержать их в своей памяти.

— Не по другой какой-нибудь дороге, а именно по той, которая ведет к этому дому, поедет сегодня Англичанин? Имеет ли его Англичанин при себе? Я подозреваю, сказал мистер Франклин, вынимая из кармана маленький запечатанный конверт, — что его означало вот это. А это, Бетередж, означает не более не менее как знаменитый желтый алмаз дяди моего Гернкасла.

— Боже праведный, сэръ! воскликнул я:— как попал в ваши руки алмаз нечестивого полковника?

— В завещании своем нечестивый полковник отказал его моей двоюродной сестре Рахили, как подарок ко дню ее рождения, отвечал мистер Франклин. — А отец мой, в качестве дядина душеприказчика, поручил мне доставить его сюда.

Если бы море, кротко плескавшееся в ту минуту на дюнах, вдруг высохло перед моими глазами, явление это поразило бы меня никак не более чем слова мистера Франклина.

— Алмаз полковника завещан мисс Рахили! сказал я. — И ваш отец, сэръ, был его душеприказчиком! А ведь я пошел бы на какое угодно пари, мистер Франклин, что отец ваш не решился бы дотронуться до полковника даже щипцами!

— Сильно сказано, Бетередж! Но в чем же виноват был полковник? Впрочем, ведь он

принадлежал скорее к вашему поколению нежели к моему. Так сообщите же мне о нем все что вы знаете, а я расскажу вам, каким образом отец мой сделался его душеприказчиком и еще кое-что. В Лондоне мне пришлось сделать о моем дяде Гернкасле и это знаменитом алмазе не совсем благоприятные открытия; но я желаю узнать от вас, насколько она достоверны. Вы сейчас называли моего дядю «нечестивым полковником». Пошарьте-ка в своей памяти, старый друг, и скажите, чем заслужил он это название.

Видя, что мистер Франклин говорит серьезно, я рассказал ему все, и вот вам сущность моего рассказа, который я повторяю здесь в видах вашей же собственной пользы, читатели. Прочтите же его со вниманием, иначе вы совсем растеряетесь, когда мы доберемся до самой середины этой запутанной истории. Выкиньте из головы детей, обед, новую шляпку, словом, что бы там ни было. Попытайтесь забыть политику, лошадей, биржевые курсы и клубный неудача. Надеюсь, что вы не обидитесь моею смелостью; ведь это делается единственно для того, чтобы возбудить ваше благосклонное внимание. Боже мой! разве не видал я в ваших руках знаменитейших авторов, и разве я не знаю как легко отвлекается внимание читателей, когда его просит у них не человек, а книга?

Несколько страниц назад я упоминал об отце

моей госпожи, о старом лорде с крутым нравом и длиннейшим языком. У него было пять человек детей. Прежде всего родилась два сына, потом, много лет спустя, жена его опять стала беременна, и три молодые леди быстро последовали одна за другою, — так быстро, как только допускала то природа вещей; госпожа моя, как я уже упоминал выше, была самая младшая и самая красивая из трех. Что касается до двух сыновей, старший, Артур, наследовал титул и владение отца своего; а младший, досточтимый Джон, получив прекрасное состояние, отказанное ему каком-то родственником, определился в армию.

Пословица говорит: дурная та птица, что хулит собственное гнездо. Я смотрю на благородную фамилию Гернкаслей как на мое родное гнездо и счел бы за особенную милость, если бы мне позволила не слишком распространяться о досточтимом Джоне. По моему крайнему разумению, это был один из величайших негодяев, каком когда-либо производил свет. К такому эпитету вряд ли остается что-нибудь прибавить. Службу свою начал он в гвардии, откуда вышел не имея еще и двадцати двух лет от роду, а почему, об этом не спрашивайте. В армии, видите ли, слишком строга дисциплина, что не совсем пришлось по вкусу досточтимому Джону. Тогда он отправился в Индию, посмотреть, не будет ли там

посвободнее, а также и для того, чтоб узнать походную жизнь. И в самом деле, нужно говорить правду, своею безумною отвагой он напоминал в одно и то же время бульдога, петуха-бойца и дикаря. По взятии Серингапатама, в котором он участвовал, он перешел в другой полк и, наконец, в третий. Тут он был произведен в подполковники и вскоре после того, получив солнечный удар, вернулся на родину. Дурная репутация, которую он себе составил, затворила ему двери ко всем родным, а моя госпожа (тогда только что вышедшая замуж) первая объявила (конечно, с согласия сэра Джона), что брат ее никогда не переступит через порог ее дома. Много было и других пятен на полковнике, из-за которых все обегали его; но мне подобает говорить только об одном — о похищении алмаза.

Ходили слухи, будто он овладел этим индейским сокровищем с помощью средств, в которых, несмотря на свою дерзость, он никак не решался сознаться. Не имея нужды в деньгах и (справедливость требует это заметить) не придавая им особенного значения, он никогда не пытался продать свое сокровище. Дарить его также не хотел и не показывал его вы одной живой душе. Одни говорили, что он страшился навлечь на себя неприятности со стороны военных властей; другие (совершенно не понимая натуру этого человека)

утверждали, будто он боялся лишиться жизни, если бы вздумал показать его.

В этом последнем предположении была, быть может, своя доля правды, хотя несправедливо было бы подозревать его в трусости. Одно верно, что в Индии жизнь его дважды подвергалась опасности; и причиною этому был, по общему убеждению, Лунный камень. Когда полковник вернулся в Англию, все стали от него отвергиваться, опять-таки из-за Лунного камня. Тайна жизни его вечно тяготела над ним, как будто изгоняла его из среды собственных соотечественников. Мужчины не принимали его в члены клубов; женщины, которым он предлагал свою руку — а их было не мало — отказывала ему; знакомые и родственники, встречаясь с ним на улице, вдруг делались близорукими.

Другой на его месте попытался бы оправдаться как-нибудь в глазах общества. Но досточтимый Джон не умел уступать даже и в том случае, когда чувствовал себя неправым. В Индии он не расставался с алмазом, презирая опасность быть убитым. В Англии он хранил его также бережно, посмеиваясь над общественным мнением. Вот вам в двух чертах портрет этого человека: беспредельная наглость и красивое лицо с каким-то дьявольским выражением.

По временам до нас доходили о нем самые

разноречивые слухи. Одни говорили, что он проводит свою жизнь в курении опиума и собирании старых книг; другие, что он занимается какими-то странными химическими опытами; третьи, что он бражничает и веселится в грязнейших закоулках Лондона с людьми самого низкого происхождения. Во всяком случае полковник вел уединенную, порочную, таинственную жизнь. Однажды, и только однажды, я встретился с ним лицом к лицу после возвращения его в Англию.

Около двух лет до того времени, которое я здесь описывал, то есть за полтора года до своей смерти, полковник неожиданно посетил мою госпожу в Лондоне. Это случилось 21-го июля, вечером, в день рождения мисс Рахили, когда в доме, по обыкновению, собрались гости. Слуга пришел сказать мне, что меня спрашивает какой-то джентльмен. Войдя в прихожую, я нашел там полковника, худого, изнуренного, старого, оборванного, но, по-прежнему, неукротимого и злого.

— Подите к сестре моей, сказал он, — и доложите ей, что я приехал пожелать моей племяннице счастливых и долгих дней.

Уже не раз пытался он письменно примириться с миледи и, по моему мнению, лишь для того, чтобы насолить ей. Но лично он являлся к

ней в первый раз. У меня так и вертелось на языке сказать ему, что госпожа моя занята с гостями. Но дьявольское выражение лица его меня испугало. Я отправился наверх с его поручением, а он пожелал остаться в прихожей и ожидать там моего возвращения. Прочие слуги, выпучив на него глаза, стояли немного поодаль, как будто он был ходячая адская машина, начиненная порохом и картечью, которая могла неожиданно произвести между ними взрыв. Госпожа моя также заражена отчасти фамильным душком.

— Доложите полковнику Гернкаслю, сказала она, когда я передал ей поручение ее брата, — что мисс Вериндер занята, а я не желаю его видеть. — Я попытался бы склонить ее на более вежливый ответ, зная презрение полковника к светским приличиям. Все было напрасно! Фамильный душок сразу заставил меня молчать. — Когда мне бывает нужен ваш совет, я сама прошу его у вас, сказала миледи; — а теперь я в нем не нуждаюсь.

С этим ответом я спустился в прихожую, но прежде чем передать его полковнику, возымел дерзость перефразировать его так:

— Миледи и мисс Рахиль, с прискорбием извещая вас, что они заняты с гостями, просят извинения в том, что не могут иметь чести принять полковника.

Я ожидал взрыва, несмотря на всю

вежливость, с которою передан был мною ответ миледи. Но к моему величайшему удивлению, не случилось ничего подобного: полковник встревожил меня своим неестественным спокойствием. Посмотрев на меня с минуту своими блестящими серыми глазами, он засмеялся, но не изнутри себя, как обыкновенно смеются люди, а как-то внутрь себя, каким-то тихим, подавленным, отвратительно-злобным смехом.

— Благодарю вас, Бетередж, сказал он: — я не забуду дня рождения моей племянницы.

С этими словами он повернулся на каблуках и вышел из дому.

На следующий год, когда снова наступил день рождения мисс Рахили, мы узнали, что полковник болен и лежит в постели. Шесть месяцев спустя, то есть за шесть месяцев до того времени, которое я теперь описываю, госпожа моя получила письмо от одного весьма уважаемого священника. Оно заключало в себе два необыкновенные известия по части фамильных новостей: первое, что полковник, умирая, простил свою сестру. Второе, что он примирился с целым обществом, и что конец его был самый назидательный. Я сам питаю (при всем моем несочувствии к епископам и духовенству) далеко нелицемерное уважение к церкви; однако я твердо убежден, что душа досточтимого Джона осталась в безраздельном владении нечистого, и что

последний отвратительный поступок на земле этого гнусного человека был обман, в который он вовлек священника!

Вот сущность того, что мне нужно было рассказать мистеру Франклину. Я видел, что по мере того как я подвигался вперед, нетерпение его возрастало, и что рассказ о том, каким образом миледи выгнала от себя полковника в день рождения своей дочери, поразил мистера Франклина как выстрел, попавший в цель. Хоть он и ничего не сказал мне, но по лицу его было видно, что слова мои встревожили его.

— Ваш рассказ кончен, Бетередж, заметил он. — Теперь моя очередь говорить. Но прежде нежели я сообщу вам об открытиях, сделанных мною в Лондоне, и о том, как пришел я в соприкосновение с алмазом, мне нужно узнать одну вещь. По вашему лицу, старина, можно заключить, что вы не понимаете к чему клонится наше настоящее совещание. Обманывает меня ваше лицо, или нет?

— Нет, сэръ, отвечал, — лицо мое говорит совершенную правду.

— В таком случае, сказал мистер Франклин, — я попытаюсь прежде поставить вас на одну точку зрения со мною. Мне кажется, что подарок полковника кузине моей Рахили тесно связан с тремя следующими и весьма важными

вопросами. Слушайте внимательно, Бетередж, и пожалуй отмечайте каждый вопрос по пальцам, если это для вас удобнее, сказал мистер Франклин, видимо щеголяя своею дальновидностью, что живо напомнило мне то время, когда он был еще мальчиком. — Во-первых: был ли алмаз полковника предметом заговора в Индии? во-вторых: последовали ли заговорщики за алмазом в Англию? В-третьих: знал ли полковник, что заговорщика следят за алмазом? и не с намерением ли завещал он своей сестре это опасное сокровище чрез посредство ее невинной дочери? Вот к чему я вел, Бетередж. Только вы, пожалуйста, не пугайтесь.

Хорошо ему говорить «не пугайтесь», когда он уже напугал меня.

Если предположение его было справедливо, мы должны была навеки проститься с нашим спокойствием! Нежданно, негаданно вторгнулся в наш мирный дом какой-то дьявольский алмаз, а за ним врывалась целая шайка негодяев, спущенных на нас злобой мертвеца. Вот в каком положении находились мы по словам мистера Франклина Блека! Кто слышал, чтобы в XIX столетии, в век прогресса, и притом в стране, пользующейся всеми благами британской конституции, могло случиться что-либо подобное? Конечно, никто никогда не слышал этого, а потому никто, вероятно, и не

поверит. Однако, я все-таки буду продолжить свой рассказ.

Когда вас постигает какой-нибудь внезапный испуг, читатель, в роде того, который я испытывал в ту минуту, не замечали ли вы, что прежде всего он отзывается в желудке? А раз вы почувствовали его в желудке, внимание ваше развлечено, и вы начинаете вертеться. Вот я, и начал молча вертеться, сидя на песке. Мистер Франклин заметил мою борьбу с встревоженным желудком, или духом (назовите, как знаете, а по мне, так это решительно все равно), и остановившись в ту самую минуту,) как уже готовился приступить к своим собственным открытиям, резко спросил меня: «да чего вам нужно?»

Чего мне было нужно? ему-то я не сказал; а вам, пожалуй, открою по секрету. Мне нужно было затянуться трубочкой и пройтись по Робинзону.

VI

Храня про себя собственное мнение, я почтительно просил мистера Франклина продолжить.

— Не егозите, Бетередж, ответил он и продолжил рассказ.

С первых слов, молодой джентльмен уведомил меня, что его открытия касательно

негодного полковника с алмазом начались посещением (до приезда к вам) адвоката его отца в Гампстиде. Однажды, оставшись наедине с ним после обеда, мистер Франклин случайно проговорился, что отец поручил ему передать подарок мисс Рахили, в день ее рождения. Слово за слово, кончилось тем, что адвокат сказал, в чем именно заключался этот подарок и как возникли дружеские отношения между полковником и мистером Блеком старшим. Попробую, не лучше ли будет изложить открытия мистера Франклина, придерживаясь, как можно ближе, собственных его слов.

— Помните ли вы, Бетередж, то время, сказал он, — когда отец мой пытался доказать свои права на это несчастное герцогство? Ну, так в это самое время и дядя Гернкасль вернулся из Индии. Отец узнал, что шурин его владеет некоторыми документами, которые, по всему вероятно, весьма пригодились бы ему в его процессе. Он посетил полковника под предлогом поздравления с возвратом в Англию. Но полковника нельзя было провести таким образом. «Вам что-то нужно, сказал он: иначе вы не стала бы расковать своею репутацией, делая мне визит.» Отец понял, что остается вести дело на чистоту, и сразу признался, что ему надобны документы. Полковник попросил денька два на размышление об ответе. Ответ его

пришел в форме самого необычайного письма, которое приятель-законовед показал мне. Полковник начинал с того, что имеет некоторую надобность до моего отца, и почтительнейше предлагал обмен дружеских услуг между собой. Случайность войны (таково было его собственное выражение) ввела его во владение одним из величайших алмазов в свете, и он небезосновательно полагает, что на сам он, на его драгоценный камень, в случае хранения его при себе, небезопасны в какой бы то ни было части света. В таких тревожных обстоятельствах он решился сдать алмаз под сохранение постороннему лицу. Лицо это ничем не рискует. Оно может поместить драгоценный камень в любое учреждение, с надлежащею стражей и отдельным помещением, — как, например, кладовая банка, или ювелира, для безопасного хранения движимостей высокой цены. Личная ответственность его в этом деле будет совершенно пассивного свойства. Он обязуется, собственноручно или чрез поверенного, получать по условленному адресу ежегодно, в известный, условленный день, от полковника письмо, заключающее в себе простое известие о том, что он, полковник, по сие число еще находится в живых. Если же число это пройдет без получения письма, то молчание полковника будет вернейшим знаком его смерти от руки убийц. В таком только

случае и не иначе, некоторые предписания, касающиеся дальнейшего распоряжения алмазом. Напечатанные и хранящиеся вместе с ним, должны быть вскрыты и беспрекословно исполнены. Если отец мой пожелает принять на себя это странное поручение, то документы полковника в свою очередь будут к его услугам. Вот что было в этом письме.

— Что же сделал ваш батюшка, сэр, спросил я.

— Что сделал-то? сказал мистер Франклин;- а вот что он сделал. Он приложил к письму полковника бесценную способность, называемую здравым смыслом. Все дело, по его мнению, было просто нелепо. Блуждая по Индии, полковник где-нибудь подцепил дрянненький хрустальчик, принятый им за алмаз. Что же касается до опасения убийц и до предосторожностей в защиту своей жизни вместе с кусочком этого хрусталя, так ныне девятнадцатое столетие, и человеку в здравом уме стоит только обратиться к полиции. Полковник с давних пор заведомо употреблял опиум; и если единственным средством достать те ценные документы, которыми он владел, было признание опиатного призрака за действительный факт, то отец мой охотно готов был принять возложенную на него смешную ответственность, — тем более охотно, что она не влекла за собой никаких личных

хлопот. Итак алмаз, вместе с запечатанными предписаниями, очутился в кладовой его банкира, а письма полковника, периодически уведомлявшие о бытности его в живых, получались и вскрывалась адвокатом, поверенным моего отца. На один рассудительный человек, в таком положении, не смотрел бы на дело с иной точки зрения. На свете, Бетередж, нам только то и кажется вероятным, что согласно с вашею ветошною опытностью; и мы верим в роман, лишь прочтя его в газетах.

Мне стало ясно, что мистер Франклин считал отцовское мнение о полковнике поспешным и ошибочным.

— А сами вы, сэр, какого мнения об этом деле? спросил я.

— Дайте сперва кончить историю полковника, сказал мистер Франклин; — в уме Англичанина, Бетередж, забавно отсутствие системы; и вопрос ваш, старый дружище, может служит этому примером. Как только мы перестаем делать машины, мы (по уму, разумеется) величайшие неряхи в мире.

«Вон оно, подумал я, — заморское-то воспитание! Это он во Франции, надо быть, выучился зубоскальству над вами.»

Мистер Франклин отыскал прерванную нить рассказа и продолжал.

— Отец мой получал бумаги, в которых

нуждался, и с той поры более не видал шурина. Год за год, в условленные дни получалось от полковника условленное письмо и распечатывалось адвокатом. Я видел целую кучу этих писем, написанных в одной и той же краткой, деловой форме выражений: «Сэр, это удостоверит вас, что я все еще нахожусь в живых. Пусть алмаз остается по-прежнему. Джон Гернкасль.» Вот все, что он писал, и получалось это аккуратно к назначенному дню; а месяцев шесть или восемь тому назад в первый раз изменилась форма письма. Теперь вышло: «Сэр, говорят, я умираю. Приезжайте и помогите мне сделать завещание.» Адвокат поехал и нашел его в маленькой, подгородной вилле, окруженной принадлежащею к ней землей, где полковник проживал в уединении, с тех пор как покинул Индию. Для компании он держал кошек, собак и птиц, но ни единой души человеческой, кроме одной фигуры, ежедневно являвшейся для присмотра за домохозяйством, и доктора у постели. Завещание было весьма просто. Полковник растратил большую часть состояния на химические исследования. Завещание начиналось и оканчивалось тремя пунктами, которые он продиктовал с постели, вполне владея умственными способностями. Первый пункт обеспечивал содержание и уход его животным. Вторым основывалась кафедра опытной химии в одном из

северных университетов. Третьим завещался Лунный камень в подарок племяннице, ко дню ее рождения, с тем условием, что отец мой будет душеприказчиком. Сначала отец отказался. Однако, пораздумав еще разок, уступил, частью будучи уверен, что эта обязанность не вовлечет его ни в какие хлопоты, частью по намеку, сделанному адвокатом в интересе Рахили, что алмаз все-таки может иметь некоторую ценность.

— Не говорил ли полковник, сэръ, спросил я, — почему он завещал алмаз именно мисс Рахили?

— Не только сказал, а даже это было написано в завещании, ответил мистер Франклин:— я достал себе из него выписку и сейчас покажу вам. Не будьте умственным неряхой, Бетередж. Все в свое время. Вы слышали завещание полковника; теперь надо выслушать, что случилось по смерти его. Прежде чем засвидетельствовать завещание, необходимо было оценить алмаз формальным путем. Все бриллиантщики, к которым обращались, сразу подтвердили показание полковника, что он обладает одним из величайших в свете алмазов. Вопрос же о точной оценке его представлял довольно серьезные затруднения. По величине он был феноменом между рыночными бриллиантами; цвет ставил его в совершенно отдельную категорию; а вдобавок к этим сбивчивым элементам

присоединялся изъян в виде плевы в самом центре камня. Но даже при этом важном недостатке, самая низшая из различных оценок равнялась двадцати тысячам фунтов. Поймите удивление моего отца; он чуть не отказался быть душеприказчиком, чуть не выпустил этой великолепной драгоценности из нашего рода. Интерес, возбужденный в нем этим делом, заставил его вскрыть запечатанные предписания, хранившиеся вместе с алмазом. Адвокат показывал мне этот документ вместе с прочими, и в нем (по моему мнению) содержится ключ к разумению того заговора, что грозил жизни полковника.

— Так вы думаете, сэръ, сказал я, — что заговор-то действительно был?

— Не владея превосходным здравым смыслом отца моего, отвечал мистер Франклин, — я думаю, что жизни полковника действительно угрожали именно так, как он сам говорил. Запечатанные предписания, мне кажется, объясняют, как это случилось, что он все-таки преспокойно умер в постели. В случае насильственной смерти его (то есть при неполучении обычного письма в назначенный день) отец мой должен был тайно переслать Лунный камень в Амстердам; в этом городе отдать его известнейшему бриллиантщику и сделать из него от четырех до шести отдельных камней. Тогда камни продать за то, что дадут, а

выручку употребить на основание той кафедры опытной химии, которую полковник в последствии отделил в своем завещании. Ну, Бетередж, теперь пустите в ход свое остроумие, догадайтесь-ка, к чему клонились эти распоряжения полковника.

Я тотчас пустил остроумие в ход. Оно было английское, самого неряшливого свойства и вследствие того все перепутало, пока мистер Франклин не забрал его в руки и не указал, куда направить.

— Заметьте, сказал мистер Франклин, — что неприкосновенность алмаза, в виде цельного камня, весьма ловко поставлена в зависимость от сохранения жизни полковника. Ему мало сказать врагам, которых он опасается: убейте меня, и вам будет так же далеко до алмаза, как и теперь; он там, где вам до него не добраться, под охраной, в кладовой банка. Вместо этого он говорит: убейте меня, и алмаз не будет уже прежним алмазом; тождество его разрушится. Это что значит?

Тут (как мне показалось) ум мой осветился дивною, заморскою новостью.

— Знаю! сказал я:- значит, цена-то камня понизится, а таким образом плуты останутся в дураках.

— И похожего ничего нет! сказал мистер Франклин:- я справлялся об этом. Надтреснутый алмаз в отдельных камнях будет стоить дороже

теперешнего, по той простой причине, что из него выйдет пять-шесть превосходных бриллиантов, которые в итоге выручат больше нежели один крупный камень, но с изъяном. Если бы целью заговора была кража в видах обогащения, то распоряжения полковника делали алмаз еще дороже вора́м. Выручка была бы значительно́е, а сбыт на рынке несравненно легче, если б алмаз вышел из рук амстердамских мистеров.

— Господи Боже мой, сэ́р! воскликнул я: — в чем же наконец состоял заговор?

— Это заговор Индейцев, которые первоначально владели сокровищем, сказал мистер Франклин, — заговор, в основание которого легло какое-нибудь древне-индейское суеверие. Вот мое мнение, подтверждаемое семейным документом, который в настоящее время находится при мне.

Теперь я понял, почему появление трех индейских фокусников в нашем доме представилось мистеру Франклину таким важным обстоятельством.

— Нет нужды навязывать вам мое мнение, продолжал мистер Франклин;— мысль о нескольких избранных служителях древне-индейского суеверия, посвятивших себя, несмотря на всю трудность и опасности, выжиданию удобного случая для возвращения себе священного камня, кажется мне вполне согласно со всем тем, что нам

известно о терпении восточных племен и влиянии восточных религий. Впрочем, во мне сильно развито воображение; мясник, хлебник и сборщик податей не представляются моему уму единственно-правдоподобными, действительными существованиями. Цените же мою догадку относительно истинного смысла этого дела во что угодно, и перейдем к единственно касающемуся нас, практическому вопросу: Не пережил ли полковника этот заговор насчет Лунного камня? И не знал ли об этом сам полковник, даря его ко дню рождения своей племяннице?

Теперь и начал понимать, что вся суть была в миледи и мисс Рахили. Я не проронил ни словечка из всего им говоренного.

— Узнав историю Лунного камня, сказал мистер Франклин, — я не так-то охотно брался за доставку его сюда. Но приятель мой, адвокат, напомнил мне, что кто-нибудь обязан же вручить кухне ее наследство, и следовательно я могу сделать это не хуже всякого другого. После того как я взял алмаз из банка, мне чудилось, что на улице за мной следит какой-то темнокожий оборванец. Я поехал к отцу, чтобы захватить свой багаж, и нашел там письмо, сверх ожидания задержавшее меня в Лондоне. Я вернулся в банк с алмазом и кажется опять видел этого оборванца. Сегодня поутру, взяв опять алмаз из банка, я в третий раз увидал этого

человека, ускользнул от него, и прежде чем он снова напал на мой след, уехал с утренним поездом вместо вечернего. Вот я здесь с алмазом, в целостности и сохранности, — и что же я узнаю на первых порах? Слышу, что в дом заходило трое бродяг Индейцев и что приезд мой из Лондона и нечто, везомое мною, главная цель их розысков. Не стану тратить слов и времени на то, как они лили мальчику в горсть чернила и заставляли его смотреть в них, не увидит ли он вдали человека, который что-то везет в своем кармане. Эта штука (часто виданная мною на Востоке), по нашему с вами понятию, просто фокус-покус. Вопрос, который нам предстоит теперь решить в том: не ошибочно ли я приписываю значение простому случаю? И точно ли есть у нас доказательства, что Индейцы следят за Лунным камнем, с той минуты как он взят из банка?

Ни я, ни он, казалось, и не думали заниматься этою частью исследований. Мы глядели друг на друга, потом на прилив, тихо набегавший, выше, а выше, на зыбучие пески.

— О чем это вы задумались? вдруг сказал мистер Франклин.

— Я думал, сэр, ответил я, — что хорошо бы зарыть алмаз в песчаную зыбь и порешит вопрос таким образом.

— Если вы уж залучили стоимость его к себе

в карман, ответил мистер Франклин, — так объявите, Бетередж, и по рукам!

Любопытно заметить, как сильно облегчает легкая шутка самое тревожное состояние ума. Мы в то время открыли неисчерпаемый родник веселости в мысли о побеге с законною собственностью мисс Рахили и о том, в какие страшные хлопоты мы впутаем мистера Блека, как душеприказчика, хотя ныне я решительно отказываюсь понять, что в этом было смешного. Мистер Франклин первый свернул разговор к настоящей его цели. Он вынул из кармана пакет, вскрыл его и подал мне заключающуюся в нем бумагу.

— Бетередж, сказал он, — ради тетушки, надо рассмотреть вопрос о том, с какою целью полковник оставил племяннице это наследство. Вспомните, как леди Вериндер обращалась с братом с самого возвращения его в Англию и до той поры, когда он сказал вам, что попомнит день рождения своей племянницы. Прочтите-ка вот это. Мистер Франклин дал мне выписку из завещания полковника. Она при мне и теперь, когда я пишу эти отроки; вот с нее копия на пользу вашу:

«В-третьих и в последних: дарю и завещаю племяннице моей, Рахили Вериндер, единственной дочери сестры моей Юлии, вдовы Вериндер, — если ее мать, упомянутая Юлия Вериндер, будет в живых к первому после моей смерти дню рождения

вышеписанной Рахили Вериндер, — принадлежащий мне желтый алмаз, известный на Востоке под названием Лунного камня; единственно при том условии, если ее мать, реченная Юлия Вериндер, будет в то время находиться в живых. Притом желаю, чтобы душеприказчик мой передал алмаз или собственноручно, или чрез назначенное им доверенное лицо, в личное владение означенной племянницы моей Рахили в первый после смерти моей день ее рождения и, буде возможно, в присутствии сестры моей, вышеписанной Юлии Вериндер. Еще желаю, чтобы реченная сестра моя была поставлена в известность посредством точной копии с этого третьего и последнего пункта моего завещания, что я дарю алмаз дочери ее, Рахили, в знак охотного прощения зла, причиненного моей репутации в течение жизни поведением ее со мною; особенно же в доказательство того, что я, как подобает умирающему, прощаю обиду, нанесенную в лице моем офицеру и джентльмену в то время, когда слуга ее, по ее приказу, затворил мне дверь ее дома в день рождения ее дочери.» Дальше следовала распоряжения на случай смерти миледи или мисс Рахили до кончины завещателя; в таком случае алмаз должен быть отправлен в Голландию, согласно с запечатанными предписаниями, первоначально хранившимися вместе с ним, а

выручка от продажи должна быть прибавлена к сумме, уже оставленной по завещанию на кафедре химии при одном из северных университетов.

Я в прискорбном смущении возвратил бумагу мистеру Франклину, не зная что ему сказать. До сих пор (как вам известно) я держался того мнения, что полковник умер так же нераскаянно, как и жил. Не скажу, чтоб эта копия с завещания заставила меня отступить от своего мнения, но она все-таки поразила меня.

— Ну, сказал мистер Франклин, — теперь, прочтя собственное показание полковника, что вы на это скажете? Внося Лунный камень в дом тетушки, служу ли я слепым орудием его мести, или восстанавливаю его в истинном свете кающегося христианина?

— Едва ли можно оказать, сэр, ответил я, — чтоб он умер с отвратительною жаждой мщения в сердце и гнусною ложью на устах. Одному Богу открыта истина. Не спрашивайте же меня.

Мистер Франклин сидел, вертя и комкая в руках выписку из завещания, будто надеясь этом приемом выжать из нее правду. В то же время сам он явно изменился. Из веселого, живого молодого человека, он теперь почти беспричинно стал сдержанным, важным и задумчивым.

— В этом вопросе две стороны, сказал он:,- объективная и субъективная. С которой начать?

Он получил немецкое воспитание пополам с французским. Одно из двух до сих пор владело им (как мне кажется) на праве полной собственности. Теперь же (насколько я мог догадаться) выступало другое. У меня в жизни есть правило: никогда не обращать внимания на то, чего я не понимаю. Я пошел по пути, среднему между объективной и субъективной сторонами. Попросту, по-английски, я вытаращил глаза и на слова не вымолвил.

— Постараемся извлечь внутренний смысл этого, сказал мистер Франклин. — Зачем дядя мой завещал алмаз Рахили? Почему бы не завещать его тетушке?

— Ну, вот об этом, сэра, по крайней мере не трудно догадаться, оказал я. — Полковник Гернкасль достаточно знал миледи, чтобы не сомневаться в том, что она откажется от всякого наследства, которое перешло бы к ней от него.

— Почему ж он знал, что Рахиль не откажется точно так же?

— Да разве есть на свете, сэра, такая молодая особа, что устоит против искушения принять в день рождения подарок, подобный Лунному камню?

— Вот она субъективная точка зрения, сказал мистер Франклин. — Это делает вам честь, Бетередж, что вы способны к субъективным взглядам. Но в завещании полковника есть еще одна таинственность, до сих пор не разъясненная.

Как объяснить, что он дарит Рахиль в день ее рождения с тем условием, чтоб ее мать была в живых?

— Не желаю чернить покойника, сэръ, ответил я: — но если он точно с намерением оставил наследство, грозящее горем и бедами сестре чрез посредство ее дочери, то это наследство должно обуславливаться ее нахождением в живых, для того чтоб она испытала эти муки.

— О! так вот ваше объяснение его цели: это самое? Опять субъективное объяснение! Вы ни разу не бывали в Германии, Бетередж?

— Нет, сэръ. А ваше объяснение, если позволите узнать?

— Я допускаю, сказал мистер Франклин, — что полковник, — и это весьма вероятно, — мог иметь целью не благодеяние племяннице, которой сроду не видал, а доказательство сестре своей, что он умер, простив ей, и весьма изящное доказательство посредством подарка ее дитяти. Вот объяснение, совершенно противоположное вашему, Бетередж, возникшее из субъективно-объективной точка зрения. Судя по всему, то и другое могут быть равно справедливы.

Дав этому делу такой приятный и успокоительный исход, мистер Франклин, по-видимому, счел поконченным все что от него требовалось. Лег себе на спину на песок и спросил,

что теперь остается делать. Он отличался таким остроумием и новым разумением (по крайней мере до коверканья слов на заморский лад), и до сих пор с таким совершенством держал путеводную нить всего дела, что я вовсе не был приготовлен к внезапной перемене, которую он выказал, бессильно полагаясь на меня. Лишь гораздо позднее узнал я, — и то благодаря мисс Рахили, первой сделавшей это открытие, — что этими загадочными скачками и превращениями мистер Франклин обязав влиянию своего воспитания за границей. В том возрасте, когда все мы наиболее склонны окрашиваться в чужие цвета, как бы отражая их на себе, он был послан за границу и переезжал из края в край, не давая ни одной краске пристать к себе крепче другой. Вследствие того он вернулся на родину с таким множеством разнообразных сторон в характере, более или менее плохо прилаженных друг к дружке, что жизнь его, по-видимому, проходила в вечном противоречии с самим собой. Он мог быть разом дельцом и лентяем; самых сбивчивых и самых ясных понятий о вещах, образцом решимости и олицетворением бессилия. В нем было немножко Француза, немножко Немца, немножко Итальянца, при чем кое-где просвечивали и врожденная английская основа, как бы говоря: «вот и я, к величайшему прискорбию, засоренная, но все ж и от меня осталось кое-что в

самом фундаменте». Мисс Рахиль обыкновенно говаривала, что Итальянец в нем брал верх в тех случаях, когда он неожиданно подавался и так мило, добродушно просил вас взвалить себе на плечи лежащую на нем ответственность. Соблюдая полную справедливость, кажется, можно заключить, что и теперь в нем Итальянец взял верх.

— Разве не вам, сэр, спросил я, надлежит знать, что теперь остается делать? Уж разумеется, не мне.

Мистер Франклин, по-видимому, не заметил всей силы моего вопроса: так в это время самая поза его не позволяла замечать ничего, кроме неба над головой.

— Я не хочу беспричинно тревожить тетушку, оказал он, — и не желаю оставить ее без того, что может быть полезным предостережением. Если бы вы были на моем месте, Бетередж, — скажите мне в двух словах, что бы вы сделали?

Я сказал ему в двух словах:

— Подождал бы.

— От всего сердца, сказал мистер Франклин:— долго ли?

Я стал объяснять свою мысль.

— На сколько я понял, сэр, сказал я, — кто-нибудь обязан же вручать этот проклятый алмаз мисс Рахили в день ее рождения, — а вы можете исполнит это не хуже кого иного. Очень хорошо.

Сегодня двадцать пятое мая, а рождение ее двадцать первого июня. У нас почти четыре недели впереди. Подождемте, и посмотрим, не случится ли чего в это время; а там предостерегайте миледи или нет, как укажут обстоятельства.

— До сих пор превосходно, Бетередж! сказал мистер Франклин:- но отныне и до дня рождения что же вам делать с алмазом?

— Разумеется, то же, что и ваш батюшка, сэр, ответил я:- батюшка ваш сдал его в банк под сохранение в Лондоне, а вы сдайте его под сохранение Фризингальскому банку (Фризингалл был от нас ближайшим городом, а банк его не уступал в состоятельности английскому). Будь я на вашем месте, сэр, прибавил я:- тотчас послал бы с ним верхом в Фризингалл, прежде чем леди вернутся домой.

Возможность нечто сделать, и сверх того сделать это на лошади, мигом подняла лежавшего навзничь мистера Франклина. Он вскочил на ноги, бесцеремонно таща и меня за собой.

— Бетередж, вас надо ценить на вес золота, сказал он:- идем, а сейчас же седлайте мне лучшую лошадь изо всей конюшни!

Наконец-то (благодаря Бога) сквозь всю заморскую политику пробилась у него врожденная основа Англичанина! Вот он памятный мне мистер Франклин, вошедший в прежнюю колею при мысли

о скачке верхом и напомнивший мне доброе, старое время! Оседлать ему лошадь? Да я бы оседлал ему целый десяток, если б он только мог поехать на всех разом.

Мы поспешно вернулись домой, поспешно заседлали самого быстрого коня, и мистер Франклин по всех ног поскакал с проклятым алмазом еще раз в кладовую банка. Когда затих последний топот копыт его лошади, и я, оставшись один, пошел назад ко двору, мне, кажется, хотелось спросить себя, не пробудился ли я от сна.

VII

Пока я обретался в таком растерянном состоянии ума, сильно нуждаясь хотя бы в минутке спокойного уединения, для того чтобы снова оправиться, тут-то мне и подвернулась дочь моя, Пенелопа (точь-в-точь, как ее покойная мать сталкивалась со мной на лестнице), и мигом потребовала, чтоб я рассказал ей все происходившее на совещании между мной и мистером Франклином. В таких обстоятельствах оставалось тут же на месте прихлопнуть гасильником любопытство Пенелопы. Поэтому я ответил ей, что мы с мистером Франклином толковали об иностранных делах, пока не договорились донельзя и не заснули оба на

солнечном припеке. Попробуйте ответить что-нибудь в этом роде в первый раз, как жена или дочь досадят вам неуместным и несвоевременным вопросом, и будьте уверены, что по врожденной женской кротости, они при первом удобном случае зацелуют вас и возобновят расспросы.

Послеполуденное время кое-как дотянулось; миледи с мисс Рахилью приехали.

Нечего и говорить, как удивились они, узнав о прибытии мистера Франклина Блека и вторичном отъезде его верхом. Нечего также говорит, что они тотчас же засыпали меня неуместными вопросами, а «иностранные дела» и «сон на солнечном припеке» для них-то уж не годились. Изобретательность моя истощилась, и я мог только сказать, что прибытие мистера Франклина с утренним поездом надо приписать единственно одной из его причуд. Будучи вслед за тем спрошен, неужели отъезд его верхом был также причудой, я сказал: «точно так» и, кажется, чистенько отделался этим ответом.

Преодолев затруднения с дамами, я встретил еще больше затруднений, воротясь в свою комнату. Пришла Пенелопа, с свойственною женщинам кротостью и врожденным женским любопытством, за поцелуями и расспросами. На этот раз она только желала услышать от меня, что такое сделалось с нашею младшею горничной, Розанной Сперман.

Оставив мистера Франклина со мной на зыбучих песках, Розанна, по-видимому, вернулась домой в самом непонятном расположении духа. Она (если верить Пенелопе) менялась, как цвета радуги. Была весела без всякой причины и беспричинно грустна. Не переводя духу, засыпала сотней вопросов о мистере ФранкLINE Блеке и тут же рассердилась на Пенелопу, как та смела подумать, чтобы заезжий джентльмен мог ее сколько-нибудь интересовать. Ее застали улыбающеюся, и чертящею вензель мистера Франклина на крышке рабочего столика. В другой раз ее застали в слезах, смотревшею в зеркало на свое уродливое плечо. Не знавали ли она с мистером Франклином друг друга до нынешнего дня? Невозможно! Не слыхали ли чего друг о друге? Опят невозможно! Я готов бы засвидетельствовать неподдельность удивления мистера Франклина в то время, как девушка уставилась на него глазами. Пенелопа готова была засвидетельствовать неподдельное любопытство, с каким девушка расспрашивала о мистере ФранкLINE. Наши переговоры, при таком способе ведения их, тянулись довольно скучно, пока дочь моя не кончила их, внезапно разразясь таким чудовищным предположением, что я, кажется, от роду не слыхивал подобного.

— Батюшка, совершенно серьезно

проговорила Пенелопа:- тут одна разгадка. Розанна с первого взгляда влюбилась в мистера Франклина Блека!

Вы, конечно, слышали о прелестных молодых леди, влюблявшихся с первого взгляда, и находили это довольно естественным. Но горничная из исправительного дома, с простым лицом и уродливым плечом, влюбляющаяся с первого взгляда в джентльмена, приехавшего посетить ее госпожу, — найдите мне, если можете, что-нибудь под пару этой нелепости в любом из романов христианского мира!

Я так хохотал, что у меня слезы текла по щекам. Пенелопа как-то странно огорчалась моим смехом.

— Никогда я не видывала вас, батюшка, таким злым, кротко проговорила она и ушла.

Слова моей девочка точно обдала меня холодной водой. Я взбесился на себя за то неловкое ощущение, с которым выслушал ее, но ощущение все-таки было. Но переменим материю с вашего позволения. Мне прискорбно, что я увлекся рассказом, и не без причины, как вы увидите, прочитав немного далее.

Настал вечер, и вскоре после звонка, извещавшего о предобеденном туалете, мистер Франклин вернулся из Фризингалла. Я сам понес горячую воду в его комнату, надеясь, после такой

продолжительной отлучки, услышать что-нибудь новое. Но к величайшему разочарованию моему (вероятно, так же и вашему), ничего не случилось. Он не встречал Индейцев на пути своем — ни туда, ни обратно. Он сдал Лунный камень в банк, обозначив его просто драгоценностью высокой стоимости, и благополучно привез расписку в его получении. Я пошел вниз, находя, что все это как-то прозаично кончилось после наших утренних тревог об алмазе.

Как происходило свидание мистера Франклина с его тетушкой и кузиной, этого я не знаю.

Я готов был бы заплатить за право служить в тот день за столом. Но при моем положении в доме, служить за столом (кроме торжественных семейных празднеств) значило бы ронять свое достоинство в глазах прочей прислуги, а миледи и так уже считала меня весьма склонным к этому. В этот вечер вести с верхних этажей дошли до меня от Пенелопы и выездного лакея. Пенелопа сообщила, что никогда не знавала еще за мисс Рахилью такой заботливости о своей прическе и никогда не видывала ее такую веселую и прелестную, как в то время, когда она пошла встречать мистера Франклина в гостиной. Лакей отрапортовал, что сохранение почтительной степенности в присутствии высших и прислуживание мистеру Франклину Блеку за

столом — две вещи, до того трудно согласуемые между собой, что в его служебном поприще не встречалось еще ничего подобного. Вечерком попозднее мы слышали их игру и пение дуэтов, причем мистер Франклин забирал высоко, а мисс Рахиль еще выше, и миледи, едва поспевая за ними на фортепиано, словно в скачке чрез рвы и заборы, все-таки благополучно достигала цели. Дивно было и приятно слушать эту музыку в ночной тиши сквозь отворенные окна на террасу. Еще позднее я принес мистеру Франклину вина и содовой воды в курильную комнату и нашел, что мисс Рахиль совершенно вытеснила из его головы алмаз. «Очаровательнейшая девушка из всех виденных мной по приезде в Англию», вот все чего я мог от него добиться, пытаюсь навести разговор на более серьезную тему.

Около полуночи я, по обычаю, пошел в обход вокруг дома, чтобы запереть все двери, в сопровождении своего помощника (лакея Самуила). Когда все двери, кроме боковой на террасу, были заперты, я отпустил Самуила на покой и вышел подышать свежим воздухом на сон грядущий.

Ночь была тихая, облачная, а месяц во всей полноте сиял на небе. На дворе до того все приумолкло, что ко мне, хотя очень слабо и глухо, по временам доносился ропот моря, когда прибой вздымался на песчаную отмель в устье вашей губы.

Дом стоял так, что терраса была в тени его; но белый свет луны ярко обдавал гравельную дорожку, огибавшую террасу сбоку. Поглядев сперва на небо, а потом и в направлении дорожки, я заметил человеческую тень, отбрасываемую месяцем далеко вперед из-за угла дома.

Будучи стар и хитер, я удержался от оклика. Но так как я, вместе с тем, к несчастью, стар и тяжеловат, то ноги изменили мне на песке. Прежде чем я успел внезапно прокрасться за угол дома, я услышал торопливый бег более легких ног и, кажется, не одной пары. Пока я достиг угла, беглецы исчезли в кустарнике по ту сторону дорожки и скрылись из виду в чаще деревьев и куртин той части сада. Из кустарников они легко могли пробраться чрез решетку на большую дорогу. Будь я лет на сорок помоложе, быть может, мне удалось бы перехватить их, прежде чем они выбрались бы из нашего обиталища. Но теперь я воротился за парюю ног помоложе моих. Никого не беспокоя, мы с Самуилом взяли по ружью и пошли в обход около дома и по кустарникам. Удостоверясь, что в наших владениях нет ни одного бродяги, мы вернулись назад. Переходя дорожку, на которой видел тень, я в первый раз еще заметил светленькую вещицу, лежащую в свете месяца на песке. Подняв ее, я увидел, что это скляночка с какою-то густою, приятно-пахучею жидкостью,

черною, как чернила.

Я ничего не сказал Самуилу. Но вспомнив рассказ Пенелопы о фокусниках и чернильной лужице в горсти мальчика, и тотчас заподозрил, что потревожил трех Индейцев, шатавшихся вокруг дома и занятых разведками об алмазе.

VIII

Здесь я нахожу нужным приостановиться.

Вызывая собственные воспоминания, и в помощь им справляясь с дневником Пенелопы, я считаю возможным окинуть лишь беглым взглядом промежуток времени между приездом мистера Франклина Блека и днем рождения мисс Рахили. Большею частью дни проходили без всяких событий, о которых стоило бы упомянуть. Итак, с вашего позволения и при помощи Пенелопы, я отмечу здесь только некоторые числа, предоставляя себе возобновить рассказ изо дня в день, лишь только дойдем до той поры, когда Лунный камень стал главнейшею заботой всех домашних.

Оговорясь таким образом, можно продолжать, начав, разумеется, со скляночки приятно-пахучих чернил, найденной мною ночью на дорожке. На следующее утро (26-го числа) я показал мистеру Франклину эту шарлатанскую штуку и передал уже известное вам. Он заключил, что Индейцы не

только бродят около дома ради алмаза, но и в самом деле имеют глупость верить в свое колдовство: он разумел под этим знаки на голове мальчика, наливание чернил в его горсть и надежду, что он увидит лица и вещи, недоступные человеческому глазу. Мистер Франклин сказал мне, что и в наших странах, так же как на Востоке, есть люди, которые занимаются этим забавным фокус-покусом (хотя и без чернил) и называют его французским словом, значащим что-то вроде ясного зрения.

— Поверьте, — сказал мистер Франклин, — Индейцы убеждены, что алмаз хранится у нас здесь; вот они и привели этого *clairvoyant*, чтоб он показал им дорогу, если б им удалось вчера пробраться в дом.

— Вы полагаете, что они возобновят попытку, сэр? спросил я.

— Это будет зависеть от того, что мальчик в состоянии исполнить на самом деле, сказал мистер Франклин. — Если он прозрит алмаз в целости за железными запорами Фризингальского банка, то посещения Индейцев не будут более тревожить вас до известного времени; если же нет, не пройдет нескольких ночей, как нам представится еще случай подстеречь их в кустарниках.

Я с полнейшим доверием стал выжидать этого случая, но, странная вещь, он не повторился. Сами ли фокусники разведали в городе, что мистер

Франклин был в банке, и вывели из этого свое заключение, или мальчик действительно видел, где ныне хранится алмаз (чему, впрочем, туго верится), или, наконец, было это простою случайностью; но дело в том, что в течение нескольких недель до дня рождения мисс Рахили, ни тени Индейца не появлялось вблизи вашего дома. Фокусники пробавлялись себе по городу и в окрестностях своим ремеслом, а мы с мистером Франклином выжидали дальнейших событий, остерегаясь потревожить мошенников преждевременным заявлением наших подозрений. Этим поведением обеих сторон ограничивается все, что пока следовало сказать об Индейцах.

С двадцать девятого числа мисс Рахиль с мистером Франклином изобрели новый способ убивать время, которое им иначе некуда было сбить с рук. По некоторым причинам надо обратить особенное внимание на занятие их забавлявшее. Вы увидите, что оно имеет некоторую связь с тем, что еще впереди.

Господам в житейском море постоянно грозит подводный камень, — собственная их праздность. Жизнь их большею частию проходит в поисках за каким-нибудь делом, и любопытно заметить при этом, — в особенности если вкус их направлен на так называемые умственные наслаждения, — как они слепо бросаются на самые неопрятные занятия.

Из десяти раз девять они уж верно что-нибудь или мучат, или портят, и при этом твердо уверены, что обогащают свой ум, тогда как в сущности просто кутерьму поднимают во всем доме. Я видал, как они (леди, к величайшему прискорбию, не хуже джентльменов) слоняются, например, изо дня в день с пустыми коробочками от пилюль, ловят ящериц, тараканов, пауков и лягушек, приносят их домой и прокалывают несчастных булавками или, без всякого зазрения совести, кромсают их на кусочки. Вы застаете молодого господина или молодую госпожу, рассматривающих в увеличительное стекло вывороченного наизнанку паука, или встречаете на лестнице лягушку, которая возвращается восвояси без головы, и когда вы дивитесь, что бы такое могла значить эта жестокая пачкотня, вам отвечают, что молодой господин или молодая госпожа вошли во вкус естественных наук. Или опять, иногда вы видите, как они оба вместе по целым часам портят превосходный цветок остроконечным инструментом, из-за тупого желания знать как он устроен. Что ж, если вы узнаете, цвет что ли будет лучше, или запах приятней станет? Да вот, подите! Бедняжкам надо скоротать время, понимаете, просто время скоротать. В детстве вы себе копались да пачкались в грязи и делали из нее пироги, а выросши, копаетесь да пачкаетесь в науке, рассекаете пауков,

портите цветы. В обоих случаях вся штука в том, что пустой головушке нечем заняться, а праздных рученок не к чему приложить. И кончается оно тем, что вы мажетесь красками, а по всему дому вонь стоит; или держите головастика в стеклянном ящике, полнехоньком грязной воды, отчего у всех домашних нутро воротит, или откалываете, и там, и сям, повсюду, образчики камней и засыпаете всю домашнюю провизию; или пачкаете себе пальцы при фотографических опытах, с беспощадным нелицеприятием снимая всех и каждого в доме. Оно, конечно, зачастую и тяжеленько достается тем, кто действительно должен доставать себе пропитание, кому необходимо зарабатывать себе носильное платье, теплый кров и хлеб насущный. Но сравните же самый тяжкий поденный труд, когда-либо выпадавший вам, с тою праздностью, что портит цветы да сверлит желудки пауков, и благодарите свою счастливую звезду за то, что в голове вашей есть нечто, о чем ей надо подумать, а на руках то, что надо исполнить.

Что касается мистера Франклина и мисс Рахили, то я с удовольствием должен сказать, что они какого не истязали. Они просто посвятили себя производству кутерьмы и, надо отдать им справедливость, испортили только одну дверь.

Всеобъемлющий гений мистера Франклина, носившийся всюду, докопался до так называемой

им «декоративной живописи». Он сообщил нам о своем изобретении нового состава для разведения краски. Из чего состав делался, не знаю, но могу сказать в двух словах, что он сам делал: он вонял. Видя, что мисс Рахили неймется, чтобы не набить руку в новом процессе, мистер Франклин послал в Лондон за материалами, смешал их, отчего произошел такой запах, что даже случайно забредшие в комнату собаки чихали; подвязал мисс Рахили фартук с передничком и задал ей декоративную работу в собственной ее маленькой гостиной, названной, по бедности английского языка, «будуаром». Начала она со внутренней стороны двери. Мистер Франклин содрал пемзой прекрасную лакировку дочиста и приготовил, по его словам, поверхность производства. Затем мисс Рахиль, по его указаниям и при его помощи, покрыла эту поверхность арабесками и разными изображениями: графов, цветов, птиц, купидонов и тому подобного, снятых с рисунков знаменитого итальянского живописца, имени которого уж не припомню, — кажется, того самого, что наполнил мир своею Девой Марией и завел себе милого дружка в булочной. Работа эта была прекопотливая, и пачкотня страшная. Но молодежь наша, по-видимому, никогда не уставала за нею. Если не было прогулки верхом или приема гостей, или стола, или пения, то они уж тут как тут, голова с

головой, хлопочут словно пчелы, над порчей двери. Какой это поэт сказал, что у сатаны всегда найдется каверза для занятия праздных рук? Если б он был на моем месте при этой семье и видел бы мисс Рахиль с помазком, а мистера Франклина с составом, он не написал бы о них ничего правдивее.

Следующее число, стоящее отметки, пришлось в воскресенье 4-го июня. Вечером этого дня мы в первый раз еще обсуждали в людской домашнее дельце, которое, подобно декорации двери, имеет связь с тем что еще впереди. Видя с каким удовольствием мистер Франклин и мисс Рахиль бывали вместе и что это за славная парочка во всех отношениях, мы весьма естественно рассчитывали, что они сойдутся в своих воззрениях и на другие предметы, кроме украшений для дверей. Некоторые поговаривали, что лето еще не пройдет, как в доме будет свадьба. Другие (со мной во главе) допускали вероятность замужества мисс Рахили; но мы сомневались (по причинам, которые сейчас будут изложены), чтобы женихом ее сделался мистер Франклин Блек. Никто видевший и слышавший мистера Франклина не усомнился бы в том, что он, с своей стороны, положительно влюблен. Труднее было разгадать мисс Рахиль. Позвольте мне иметь честь познакомит вас с нею; затем я предоставляю вам разгадать ее самим, если сумеете.

Двадцать первого июня наступал восемнадцатый день рождения нашей молодой леди. Если вам нравятся брюнетки (которые в большом свете, как я слышу, в последнее время вышли из моды) и если вы не питаете особенных предрассудков в пользу роста, я отвечаю за мисс Рахиль, что она одна из самых хорошеньких девушек, вами виданных. Маленькая, тоненькая, но вполне стройная от головы до ног. Умному человеку довольно бы взглянуть на все, когда она сидит или встает, и в особенности когда идет, для убеждения себя в том, что грация всей ее фигуры (если смею так выразиться) в ней самой, а не в туалете. Я не видывал волос чернее как у ней. Глаза им не уступали. Нос, пожалуй, маловат. Рот и подбородок (по словам мистера Франклина) лакомые кусочки богов; а цвет ее лица (согласно с тем же неопровержимым авторитетом) словно красное солнышко, только с тем преимуществом, что всегда был в лучшей исправности для желающих полюбоваться. Прибавьте к предыдущему, что голову она держала прямее стрелы, с поразительно горделивым видом, что голос ее был звонкий, с серебристым оттенком, а улыбка так мило зачиналась в глазах, еще не переходя на губы, — и вот вам портрет ее, насколько я горазд рисовать, в натуральной величине!

Что же сказать о ее наклонностях? Ужели в этом очаровательном лице не было ни одного недостатка? В ней было ровно столько же недостатков, как и в вас самих, сударыня, — на больше, на меньше.

Говоря серьезно, милая, дорогая моя мисс Рахиль, обладая бездною прелестей и очарований, имела один недостаток; строгое беспристрастие заставляет меня в этом сознаться. От большинства своих сверстниц она отличалась тем, что имела собственное мнение и была так своенравна, что пренебрегала даже модами, если они не соответствовали ее вкусам. В мелочах эта независимость была еще туда-сюда, но в делах важных она (по мнению миледи и моему собственному) далекононько заходила. Немногие женщины, даже и вдвое постарше ее, отличались таким суждением, как она; она никогда не просила совета, никогда не говорила заранее, что хочет сделать; ни к кому не лезла с тайнами и секретами, начиная с матери. В важных делах и в мелочах, с людьми, которых любила или ненавидела (и то и другое у ней выходило одинаково чистосердечно) мисс Рахиль вела себя по-своему, довольствуясь собой во всех радостях и печалях своей жизни. Не раз и не два слыхивал я, как миледи говорила, что «лучший друг Рахили и злейший враг ее — сама Рахиль». Еще одно слово, и я кончу. При всей ее